ИСТОРИЧЕСКАЯ АВАНТЮРА
Андрей Посняков
ВЛАСТЕЛИН РУСИ
От автора
«Новгородской саги»
«КРЫЛОВ»

Андрей Посняков

Властелин Руси

Серия «Вещий князь», книга 6

http://www.fenzin.org
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=158378
Властелин Руси: Издательство «Крылов»; СПб.; 2007
ISBN 5-9717-0395-1

Аннотация

Спокойная жизнь ладожского наместника Хельги неожиданно обрывается трагедией – на охоте погибает князь Рюрик. Новгородцы просят ярла возглавить северные дружины и повести их на далекий Царьград, за богатством и славой. Вскоре Хельги начинает догадываться, что за этими событиями стоит его самый главный враг – черный друид Форгайл Коэл, сознающий, что симбиоз двух душ молодого варяжского ярла и русского музыканта из далекого будущего – может остановить его на пути к власти. На этот раз друид решает действовать с двух сторон – в прошлом и в будущем…

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 19
Глава 3 25
Глава 4 31
Глава 5 42
Конец ознакомительного фрагмента. 49

Андрей ПОСНЯКОВ
ВЛАСТЕЛИН РУСИ

Глава 1
СТО ДЕВ
Февраль 866 г. Киевщина

...языческие жрецы приносили человеческие жертвы: «и убивашета многы жены и имения их имашета собе».
Б. А. Рыбаков. Язычество Древней Руси

Снег, мокрый, серый, мерзкий, пополам с нудным дождиком, затянул пеленою Подол и Почайну с пристанью для заморских гостей. Где-то над ними едва угадывались увенчанные деревянными стенами вершины Щековицы и Градка, видно их было плохо, снег слепил глаза, заставляя надвигать на лоб шапки и капюшоны.

– Разгневался, Перун-батюшка, – поглядев на небо, закряхтел высокий жилистый старик, простоволосый, с густой бородой и бесцветными, глубоко посаженными глазами. Длинная одежда его все была запорошена снегом. Под ногами, обутыми в подвязанные к икрам кожаные поршни, чавкала жирная грязь.

– Чего-то не встречает нас Вельвед-волхв, – нагнал старца идущий позади него парень. Впрочем, и не парень уже – молодой мужик, длинный, носатый, тощий – точно в таком же длинном одеянии, как и старик. Следом, отворачивая лицо от снега, шел еще один – пухленький и круглолицый, с глазами цвета потухших углей.

– Не для всякого путника расстарается Вельвед, – оглянулся с усмешкой старец. На груди его сухо звякнуло ожерелье из высушенных змеиных голов. – Да и не знает, поди, о нас волхв. Знал бы – меня б встретил, – старец горделиво сверкнул глазами. – О вас и не знаю… – он качнул головой. – Невелики бояре. Ну, инда неча стоять. Кувор, ты хвастал – Киев ведаешь?

– Ведаю, – кивнул круглолицый, и большой висловатый нос его смешно дернулся. – В позапрошлую зиму немало постранствовал тут. Нас, чаровников да кудесников, жаловал тогда Дир-князь.

– Да и сейчас жалует, – довольно осклабился тощий.

– Верно, брате Войтигор, жалует, – повернулся к нему старец. – Жалует, да только не всех – на что ему облакогонители? Право, не знаю, зачем ты и пристал к нам? – Бесцветные глазки старца с презрением взглянули на Войтигора. Тот покраснел, скрипнул зубами:

– Эвон, как баешь, Колимог… Зря.

– Да ты ж, поди, и крови человечьей боишься? – не унимался старец. – У вас, облакогонителей, и жертв-то путевых нет.

– Да как это нет? – Молодой волхв не на шутку разволновался. – А моления о дожде, что ж, думаешь, так просто проходят? Ежели засуха, петухами да лошадью не обойдешься – случается, требуют боги и человека.

– Вот именно, что «случается», – засмеялся Колимог. – А тут, чую, другая тебя работа ждет.

– И что ж с того? Да нешто я…

– Успокойся, друже, – пухлый Кувор положил Войтигору руку на плечо. – Колимог-волхв не обидеть тебя хочет. Сомневается – а ну, как рука у тебя не набита? Ведь дела нас ждут великие…

– А ты не сомневайся, Колиможе, – шмыгнув носом, жрец стряхнул налипший на веки снег. – К тому ж… – он бросил быстрый взгляд на Кувора, – …чаровники тоже не особо-то человечьими жертвами славятся.

– Не скажи, – желчно расхохотался толстяк. – Меня сам Дир-князь знает!

– Да неужели?

– Ну, может, и подзабыл уже. – Вздохнув, Кувор потеребил за рукав старца: – Куда идем-то, брат Колимог?

– В корчму Мечислава-людина, – обернулся к нему старец. – Таковую ведаешь ли?

Круглолицый волхв усмехнулся:

– Еще бы не ведать…

А снег все шел, мокрый и мерзкий, смешивался с растаявшей грязью, делая непроезжими пути-дорожки, вот уж верно говорят – нет хуже оттепели в сечень-месяц. Да, что и говорить, и январь-то стоял не особо морозный, а тут, к весне ближе, совсем задождило, как и сказано – «прольет Велес на дороги – зиме убирати ноги»!

Над усадьбой, затерявшейся в лесу у Глубочицы да Притыки, стоял густой туман, мокрый снег тяжело оседал на крытой камышом крыше вросшей в землю избы, облипал раскидистые ветви старой березы, что росла на заднем дворе, за амбаром, густым ноздреватым слоем покрывал узкую, расчищенную к воротам дорожку. Пусто было во дворе, даже пес не высовывал головы из будки, только лишь в хлеву, у амбара, глухо мычали коровы.

В избе было темно, душно – от протопленного не так давно очага тянуло дымом. Покряхтев, поднялась с широкой лавки простоволосая баба с грубым, словно высеченным из камня лицом – крепкая, высокая, словно башня. Схватила стоявшую на столе рядом с лавкой крынку, отпила.

– Добрый квасок, – глянула за очаг, где у стены сонно ворочался кто-то. – Эй, Вятша! Хватит почивать, парень. Иди-ка лучше снег от ворот покидай, инда, чую, ни пройти, ни проехать будет. Ну, что лежишь? Подымайся, кому говорю?

– Встаю, встаю, тетка Любомира, – потянулся за очагом молодой парень, почти отрок еще – светлорусый, светлоглазый, жилистый. Почесал рукою под сердцем, там, где синело изображение волка, глянул в полутьме на хозяйку. – Отвернулась бы, тетка. Оденусь.

– Фу, – фыркнула та. – Да чего я там у тебя не видала?

Однако отвернулась, подошла к волоковому оконцу, убрала ставенку – с улицы сразу пахнуло сыростью. Вятша поежился, натягивая рубаху. Любомира искоса глянула на него – ладный парень вырос. Живет блудом с Лобзею, приживалкой, что отправлена третьего дня в Киев, к Мечиславу, как тот и наказывал. Эх, Мечислав, Мечиславе, чтой-то долгонько тебя не было! Любомира, вздохнув, ухмыльнулась. А может, и не надо никакого Мечислава? Эвон, Вятша-то… Жаль, Лобзю любит… Так, а Онфиска-то чего дрыхнет? Любомира посмотрела в другой угол:

– Эй, дева! Животина кормлена ли? Куча тряпья в углу зашевелилась.

– Кормлена, матушка, – выглянуло из-под волчьей шкуры круглое девичье лицо. – С утречка еще раннего.

– Ну, так все равно не спи, – хмуро распорядилась хозяйка. – Мало ль работы в доме?

Вятша накинул на плечи полушубок:

– Лопата на месте ли?

– А куда вчерась ставил, там и бери, – махнула рукой Любомира. А ведь ладен, парень-то! Эх, если б не Лобзя…

Отрок задержался в дверях:

– Тетка Любомира, как вычищу, схожу к Притыке? Может, и Лобзю нашу встречу…

– Да никуда она не денется, Лобзя твоя, – недовольно усмехнулась хозяйка. – Хотя и верно – давно бы уж пора ей возвернуться.

– Вот и я говорю!

– Ну, сходишь, – Любомира милостиво кивнула. – Двор почисти сначала.

– Почищу, – кивнув, Вятша выбрался из избы. Ох, и смурно же было кругом! Серо, промозгло, противно. Плюнув, отрок отыскал у амбара лопату. Обернулся к избе – низенькой, еле-еле торчавшей из-под снега. Из волокового оконца потянуло дымком – видно, Онфиска разжигала очаг.

– Инда, и поснедаем, – ткнув лопатой в снег, сам себе улыбнулся Вятша, вспоминая, остались ли еще вчерашние мясные щи иль доела их тетка?

Гремя цепью, вылез из будки пес – большой, кудлатый. Увидав отрока, завилял хвостом, заскулил умильно.

– Нету любимицы твоей, Орайко, – засмеялся Вятша. – Некому тебе мясца кинуть. Ну, пожди, возвернется, поди, скоро…

Пес улегся было на снег, вытянул лапы, да тут же вскочил – видно, попал в мокрое – закрутил головой, отряхиваясь. Псина изрядная – теленок, не пес! Подкармливала его, бывало, Лобзя. Эх, Лобзя, Лобзя… Крепкая, румяная дева с толстой русой косою – из-за тебя ведь и задержался Вятша у тетки Любомиры, не ты бы, так… И кто он сейчас у хозяйки? Холоп? Закуп? Рядович? Или вдач? Ну, не холоп, точно. А вот девки, те – да, холопки. Вот и Лобзя… Сколько раз уговаривал ее убежать, да та все отнекивалась – куда бежать-то? И вправду – куда? Может, не так уж и хорошо было у Любомиры – вечная работа да скука, от которой в иные вечера сводило скулы, – но ведь не так и плохо. Всегда при деле, поесть есть чего, изба теплая, да – какая-никакая – защита. Правда, та еще Любомира змея, однако одному-то, без рода, и совсем плохо. Так хоть куда ни шло. Вот и боялась Лобзя, как ни уговаривал ее отрок. Все отнекивалась, ждала чего-то. Да сейчас-то, с Вятшей, на усадьбе уж куда веселее. А вот раньше-то как жили? В Киев – Лобзя рассказывала – и то куда как редко выбирались, на торг только. А уж на праздник какой, так: «Дома сидите, девки! Чай, работы много». Вот так и жили. Да и сейчас так же живут – работа – сон, сон – работа. Господи… И чего Любомира Лобзю в город послала? Скорей бы уже вернулась дева. Баньку бы истопили, хорошо б еще и тетка к Мечиславу ушла – мало ли, дела какие срочные? – а уж тогда… Вятша представил обнаженную пышногрудую деву и, помотав головой, прикусил губу. Эх, Лобзя, Лобзя…

Чуть приоткрыв дверь, Любомира наблюдала за парнем. Экий и вправду ладный. И как ловко управляется по хозяйству – эвон, полушубок в снег скинул, лопатки под рубахою так и ходят… А ведь Мечислава еще долгонько ждать. Раньше травня-месяца вряд ли и приедет. И чего ж его ждать?

– Эй, Онфиска, – Любомира обернулась к очагу, – сходи-ка побыстрей за хворостом, а я за огнем погляжу.

– Так ведь хватает дровишек-то? – удивленно взглянула на нее дева.

– Сходи, говорю! – с угрозой в голосе повторила хозяйка. – Ну!

Пожав плечами, Онфиска накинула на плечи полушубок.

– Ты куда ж это направилась, дева? – воткнув лопату в снег, выпрямился Вятша.

– За хворостом хозяйка послала, – Онфиска махнула рукою. Тоже ладная вся, крепкая, грудастая, как и Лобзя. Только Лобзя куда как покрасивше будет!

– За хворостом? – удивился отрок. – Так есть же!

Ничего не ответив, Онфиска ушла за ворота. Проводив ее взглядом, Вятша поплевал на руки…

– Эй, подь-ко сюда, парень, – услышал он негромкий зов. Обернулся…

Стоявшая в дверях тетка манила его в дом и – странное дело – улыбалась. С чего бы?

Пожав плечами, юноша направился в дом.

Внутри пахло дымом и чем-то кислым – видно, тетка разогревала вчерашние щи. Из окна тянуло холодком, в дальнем углу чадяще горел светец.

– Глянь-ко, – Любомира кивнула на выдвинутый из-под лавки сундук – большой, крепкий, обитый позеленевшими медными полосами.

– Завалялась тут у меня рубашенция. Сымай-ко свою, примеришь.

– А что, сегодня праздник какой? – удивился Вятша и, расстегнув застежку на вороте, через голову стянул рубаху.

Тяжело дыша, Любомира внезапно огладила его ладонью по спине и, развернув за плечи, притянула к себе:

– Ладный-то ты какой, Вятша!

Губы ее, толстые и мясистые, жарко накрыли губы парня, сильные руки по-хозяйски повалили на лавку.

– Втроем будем жить, отроче, – быстро шептала женщина. – Я, ты и Лобзя. А хошь – так и Онфиску возьмем… Уж так сладко будет! И чего я, дурища, раньше ждала?

– Видно, Мечислава боялась, – еле вырвавшись из ее объятий, едко промолвил Вятша.

– А и боялась, – Любомира согласно кивнула. – Больно уж приезжал часто… Ну а посейчас-то… Что сидишь, иди ж, поласкай меня?

Хозяйка бесстыдно задрала рубаху, заголив крепкое угловатое тело. Тяжелая грудь ее висела, словно у свиноматки. Вятше вдруг стало противно – он инстинктивно подвинулся ближе к двери. Любомира притянула его руками:

– Ну, давай же, вьюнош… Давай…

– Так… Онфиска же… – пытался выбраться из-под нее Вятша.

– И что же, что Онфиска? – шептала не на шутку распалившаяся хозяйка, не понимая, вернее не желая понимать, что – потная и противная – вызывает у парня лишь отвращение.

– Потом, тетка Любомира, – отбивался он. – Потом, ладно?

– Нет, не потом, – женщина повысила голос. – Сейчас! А ну… Что ж ты, брезгуешь?

Вятша оттолкнул назойливую, едва не стащившую с него порты бабу.

Та взбеленилась вдруг, словно необъезженная кобылица:

– Ах, брезгуешь, тварь?

Ударила парня ладонью по лицу. Потом еще раз… схватила висевшие на стене вожжи…

– На, гад, получай! Получай

Удар за ударом посыпались на несчастного Вятшу. На спине, на груди и плечах вспыхнули кровавые полосы.

– Уймись, уймись, тетка!

Ох, напрасно взывал он! Любомира разошлась не на шутку – окровавленные вожжи в ее руках мелькали все чаще, силушкой не обидели боги.

– Получай!

Метнувшись к столу, Вятша схватил нож, сверкнул глазами:

– Уйди… Всеми богами прошу!

– Уйди? – завидев острое лезвие, попятилась Любомира. – Это ты мне говоришь, щенок? – Она неожиданно выпрямилась, отбросив в сторону вожжи, и громко сказала: – Вон! Вон с моего двора, приблудыш. И чтоб ноги твоей здесь никогда не было.

– Да и ладно, – озлился Вятша. – И уйду.

Не спуская глаз с разъяренной хозяйки – знал, та способна на многое, – бочком обошел лавку и, прихватив брошенную на пол рубаху, вихрем метнулся наружу.

– Ну, и к лучшему, – уходя со двора, шептал он. – Сейчас бы только повстречать Лобзю…

– Тварь… – выглянув из избы, плюнула в снег Любомира. Тяжелая грудь ее колыхалась. Сердце вдруг пронзило острое чувство потери. Может, не так надо было? Не так быстро, не так настойчиво, постепенно… Постепенно… Да уж слишком хотелось. И кто он вообще такой, этот приблудыш, чтобы… Жаль, конечно, работника, да и ладно. Ничего, жили без парня ране. А про него потом не забыть шепнуть Мечиславу – ограбил-де да сбег. Пущай-ко через людишек своих прищучит…

Еще раз плюнув, Любомира раздраженно пнула в бок выскочившего из будки Орая и скрылась в избе. С вязанкою хвороста за плечами во двор вошла Онфиска. Покачала головой, погладив собаку:

– Ох, Вятша, Вятша… И чего подался в бега, парень? Нешто плохо тут было?

Повстречавший Онфису отрок не рассказал ей о том, что давеча случилось в избе. Не успел, да и, честно говоря, не очень хотелось рассказывать.

Несмотря на муторную погоду, Киев давно уже проснулся, шумел у пристани Торг, кричал рынок и на Подоле, шныряли средь торговых рядов мальчишки – торговцы горячим сбитнем, пирожники, квасники:

– Эх, и сбитень, горячий, пахучий, на травке муравчатой!

– А вот пироги, с пылу с жару, лепешки рассыпчатые!

– Кваску не желаешь отведать ли, человече?

– Не желаю, – отмахнулся высокий белобрысый парень, тут же закашлялся, прикрыв лицо рукою, свернув, скрылся в толпе. Эх, не нужно было идти через рынок, да так к Копыреву концу ближе получалось. Однако, кажется, не узнали пока. Пока не узнали… Интересно, сколько еще можно будет таиться? Белобрысый вздохнул. Сейчас-то еще ладно, а как на весну повернет да пригреет солнышко? Да и сейчас – вона, почитай, на торгу все сбитники-пирожники-квасники Мечиславу-людину мзду платят. Не говоря уже о колпачниках, эвон, стоят, в кучу сгрудившись, рыщут глазенками, дурачков выискивают. Да, пожалуй, и нашли – длиннобородого мужичагу с конем. По виду – смерд. Эх, зря ты ляму-то раззявил, бородище! Выиграют у тебя все, обманут – и пойдешь себе обратно пешком, без коня, да кабы еще и не голым. Впрочем, твое дело. Отвернувшись от азартно обступивших заезжего смерда колпачников, белобрысый быстро пошел прочь.

Миновав вечевую площадь, свернул в узкую улочку – жестянщиков, проскочил мимо кузни и, обойдя грозно возвышающиеся на горе укрепления Градка-детинца, спустился к Копыреву концу – не самому худому району Киева, заселенному преимущественно торговым людом. Прибавив шаг, улыбнулся чему-то и, завернув за ограду, оказался у приземистого здания постоялого двора. Войдя, поклонился, крикнул весело:

– Здорово, дядько Зверин!

Хозяин двора – коренастый, заросший волосом почти до самых глаз – буркнул в ответ что-то не особо приветливое. Вошедший не обиделся, уселся за длинный стол, шутливо толкнув плечом тощего неприметного мужичка в теплом бобровом плаще внакидку:

– Почто грустишь, дядько Микола? Мужичок лишь махнул рукою да подвинул парню кружку:

– Пей, Ярил, угощаю.

– Вот, благодарствую! А то от Зверина покуда дождесся…

Белобрысый с видимым удовольствием отхлебнул хмельной сикеры, стрельнул глазами по гостевой зале.

– А зазноба твоя возле очага крутилась уже, – усмехнулся Микола. – Раненько, видать, поднялася. – Он снова грустно потупился. – Эх, жи-и-знь…

– Что, в колпачки на торгу сыграл? – участливо поинтересовался Ярил. – Говорил ведь тебе.

Микола лишь махнул рукою. Ярил поднял кружку, улыбнулся широко, почувствовав, как легли на его плечи нежные девичьи руки.

– Пришел уже, Яриле? – смуглая темноокая девчонка с длинной черной косою ласково провела ему ладонью по щеке. Из дальнего угла подозрительно обернулся Зверин. Девчонка тут же отдернула руку.

– Пришел, Любима, – обернувшись, подмигнул деве Ярил. – А чего на пристани делать-то? Досок не подвезли – сыро.

Любима бросила быстрый взгляд на хозяина двора:

– Погоди, вот с обеда ляжет почивать батюшка, поговорим, ладно?

– На то и надеюсь, – усмехнулся Ярил, провожая влюбленными глазами идущую вдоль длинной скамьи деву. Ох, и краса же! Смуглява, черноброва, стройна, а уж коса – черная, словно беззвездная ночь. Жаль, конечно, батюшка ее тот еще мерин. Не особо-то возлюбил он недавно вернувшегося из дальних северных краев парня, хоть и водилось у того поперво-сти серебришко. Правда, недолго. Справил Любиме подарки – браслеты, кольца височные, ожерельице златое. Было серебришко – и нету. Снова гол как сокол, как и не уезжал никуда. Старым промыслом заниматься – мошенничать – уж и не лежала душа, да и не дал бы Мечислав, быстро прознал бы. Подумал-подумал Ярил да нанялся в артель плотницкую, куда ж еще-то? Навык есть, работа хоть и тяжелая, да веселая, вольная, сам себе, почитай, хозяин: хочешь – работай, не хочешь – скатертью дорога. За сезон неплохо заработать можно. Правда – не сезон еще, не сезон. Вот и косился Зверин – Ярил Зевота? Да на что такой зять – гольшмоль-теребень? Другого искать надобно, вот, говорят, Харинтий Гусь овдовел недавно – купчина знатный. Шесть больших ладей у Харинтия и хоромы не хуже боярских! Вот бы кого в зятья. Правда, поговаривают, всегда хватало жен у Харинтия, да вот сейчас задумал сразу троих в дом привести. Вот тут-то и вспоминал Зверин о христианах – поклонниках распятого Бога, коим только одну жену разрешалось имети. Хорошо б и Харинтий был таким вот христианином – ужо тогда бы… Зверин вздохнул, украдкой посмотрев на дочь.

Ярил еле дождался полдня. Уж и не вытерпел, вышел с постоялого двора на улицу – хоть и лепил снег – прогулялся, до Подола не доходя, вернулся весь вымокший, да как раз вовремя – косматый Зверин почивать улегся, не слыхать его было в зале. Оглядевшись по сторонам, парень обошел стол и юркнул в неприметный дверной проем, ведущий в полутемные покои, освещаемые чадящим светильником. Почти на ощупь поднялся по лестнице вверх, в небольшой закуток с широким сундуком-ложем, покрытым мягкими бобровыми шкурами. На сундуке, повернувшись к маленькому, затянутому бычьим пузырем оконцу, сидела дева в узкой червленой тунике, надетой поверх длинной рубахи и подпоясанной желтым витым пояском с кистями.

– Любима! – прошептал Ярил, откидывая закрывавший закуток полог из толстой узорчатой ткани.

Девушка обернулась, стрельнув темными глазами, иссиня-черные волосы ее стягивал серебряный обруч. Увидев вошедшего, Любима радостно улыбнулась:

– Яриле!

Зевота крепко обнял ее, целуя в губы.

– Тише, тише… Еще войдет кто-нибудь, – оглядываясь, девушка чуть оттолкнула парня. – Не отпускает батюшка за тебя, – погрустнев, шепнула она.

Ярил пожал плечами:

– Так я еще и не сватался!

– Ты-то не сватался, а вот другие… – Любима махнула рукой.

– Кто же? – насторожился парень.

– Да не бойся, батюшка всем от ворот поворот дал. Не по нраву пришлися… – Немного помолчав, девчонка вдруг лукаво улыбнулась: – Правда, я сама ему на ушко до их прихода много чего про женихов тех нашептывала, да не врала, почитай, говорила всю правду. А допрежь того Порубор помогал, выспрашивал.

– И как Порубор поживает? Что-то давненько его не видел.

– На охоту опять кого-то повел. Сказал – княжьих.

– Подзаработает парень… А когда вернется, не сказывал?

Любима пожала плечами:

– Кто знает? По этакой-то погоде, может, и к вечеру придет, если к дружку своему не заскочит, Вятше. – Девушка вдруг тихонько засмеялась и, обхватив Ярила за шею, шепнула на ухо: – А ты про Порубора просто так спрашивал?

Юноша вздрогнул и тоже рассмеялся: ну, умна дева, догадлива. Конечно же, не просто так он про Порубора выспрашивал, дело к нему имел небольшое. Хотел Ярил летом заимку сложить в тех местах, куда Порубор людей знатных на охоты водит. Все честь по чести: просторная изба с конюшней, частокол от зверья всякого, амбары – этакий постоялый двор, только не для купцов, а для охотников. Он хозяин – за сезон серебришка подкопить можно, и от гостей, и самому охотой промыслить. А потом уже и свататься. Не голь-шмоль какая-нибудь – хозяин! Пожить однова там, в лесу, с Любимой, можно и делянку распахать, да завлечь крестьян-смердов, со временем оно и получится, как задумано. А в Киеве – Ярил то хорошо понимал – ему жизни нет, покуда Дирмунд-князь властвует. Мечислав-людин, враг Ярилин давнишний, князя – доверенное лицо, вот так-то! Мечислав мстителен, не даст заниматься никаким делом – не убьет, подослав людишек, так разорит! А про заимку-то покуда еще прознает, да, может, и не прознает вовсе. Вот бы и хорошо все устроилось – и дело верное, и рядом с Киевом, с Любимой! Надоело уже Ярилу на чужой сторонушке счастья да богатства пытать, никак не хотел он больше расставаться надолго с суженой.

– Кажется, неплохо ты придумал, Яриле, – выслушав его несколько сумбурную речь, улыбнулась девушка. – Постоялый двор… Порубор жаловался – инда б и отдохнули б охотнички-гости, да негде. Вот, будет теперь – где…

– Хорошо б близ дороги дворище поставить, – вслух рассуждала Любима. – Иль хотя бы дорожку к нему провести, чтоб купцы знали – вот и еще лишний навар, вернее, совсем не лишний. Однако… – Она вдруг смешно сморщила нос. – Однако лесных шишей-лиходеев в округе полно, чай…

– С ними договоримся, – мотнул головой парень. – Я многих с Почайны знаю, а все больше с тех краев лиходейничают. Придется и им отстегивать долю малую, иначе пожгут дворище… Ой, Любима! – Он всплеснул руками. – Ну и размечталися ж мы. Дворище! Да с амбарами, да с конюшней. Еще ведь и простой заимки нет, да и место не присмотрено даже.

– Присмотришь, – усмехнувшись, кивнула дева. – Батюшке покуда говорить не будем, а как пойдут дела – вот уж тогда поглядим, как он тебе откажет. Да еще ежели ты сватов хороших отыщешь…

– Да, – Ярил вздохнул. – Есть у меня знакомцы важные, да покуда все в Ладоге.

Любима засмеялась:

– Ничего. Дело-то наше не быстрое. Кто знает, как еще все обернется? Ты тут Порубора и пожди, в избенке его. Чай, холодно у реки-то? Зевота пожал плечами:

– Да не так холодно, люба, как сыро. Почитай, вода у самого очага плещет.

С момента приезда из Ладоги Ярил жил на пристали, в небольшой хижине, выстроенной еще летом артельными плотниками, многие из которых – да почти все – зиму проводили дома. Не только киевские были люди, но и смоленские, и изборские, и даже с ростовской земли. Народ все умелый – корабельщики. Ладью починить-сладить, причал обложить бревнами – на все руки были. Сейчас вот придет весна – тогда и потянутся заказчики – с ладьями, с починками, потом и заморские гости явятся, ромеи, в общем, до осени прожить можно. А к осени, чай, и заимка уже будет. Вот, с Порубором переговорить только. Насчет места.

– В избенке, говоришь, подождать? – Ярил поднял глаза. – А батюшка твой не разгневается?

– Да он и не прознает! А что очаг разожжен будет, так скажу – Порубор самолично просил натопить к возвращению. Ну, что сидишь? Пошли, пока батюшка не проснулся. А Порубор, может, уже и придет ближе к ночи. Эвон, снег-то хлещет, какая тут охота!

Избенка Порубора – маленькая, вкопанная в землю хижина с глинобитным полом и полукруглым очагом в углу – была выстроена на заднем дворе, за амбарами. Зверин тому не противился – парень все ж, хоть и дальний, да родич, к тому же – проводник изрядный, с богатейшими людьми знается!

– Ну, вон, – открыв дверь, кивнула Любима. – Тут и дровишки припасены, и светильник. Ты пока очаг разжигай, а я к вечеру поесть принесу.

Чмокнув парня в щеку, девушка убежала. Ярил проводил взглядом стройную фигурку в красной тунике и, сглотнув слюну, занялся очагом. За время отсутствия хозяина хижина выстыла и отсырела, не хуже той, что у пристани. Однако у этой имелось очень и очень большое преимущество – Любима была совсем рядом!

Едва повернувшись – тесновато кругом, – Ярил отыскал у очага огниво, солому и сухие куски бересты. Высек искру – занялось веселое желтое пламя, потянулся от очага легкий дымок, полез в нос, растекся по стенам. Чихнув, юноша вытащил из волокового оконца заслонку, зажег в глиняной плошке сальный светильник и уселся на лавку, вернее, на узкий сундук, положив локти на стол. И только после этого с любопытством оглядел тесное помещение. Очаг, и тут же – чуть не впритык – стол, сундук, напротив – какие-то полочки у самой крыши – вот и все Поруборово богатство. Любопытствуя, Ярил, привстав, потянулся к полке, захватив несколько кусков пергамента и выделанной бересты. На них были изображены реки, деревья, звери. Даже и подписано что-то мелкими буквицами – глаголицей. Ярил сощурил глаза – кое-что понимал в грамоте, прочел по слогам:

– По энтой дороге токмо зимою, а по весне нехорошо вельми. Сказано Велимиром-гостем.

Рядом были нарисованы деревья и звери – бобер, лось, кабан.

– Молодец, отроче! – поглядев грамотки, восхитился Ярил. – Все свои угодья метит, да не только те, что сам ведает, а и с иных слов.

Вообще же, Зевота сильно уважал Порубора, дальнего Любимина родича. Несмотря на младой возраст – парню не было еще и шестнадцати, – Порубор уже снискал себе популярность в кругах средней руки купцов и ремесленников, иногда желавших развлечься охотою, – все звериные тропы отрок знал. Такое впечатление, с детства, и знания свои умножал, справедливо полагая, что именно они его и кормят. Значительную часть доходов отрок тратил на одежку, Ярил даже подшучивал– «ровно девица». Порубор не обижался, говаривал мягко:

– Нет, не прав ты, Яриле. В моем деле одежка не меньше звериных угодий стоит. Не один я места окрестные ведаю – и многие так же. И кого же люди важные в проводники возьмут? Думаешь, первого попавшегося? Мурло нечесаное в рубище? Этакой заведет…

Нет, по одежке сперва встречают! Красива на мне рубаха, да плащ аглицкий алый, оно и видно – человече изрядный, не шпынь какой-нибудь.

Наблюдая, как пляшет в очаге огонь, Ярил разлегся на сундуке. Да, хороший парень Порубор, да и нужный. И его в долю взять – а как же?

Во дворе послышались чьи-то шаги. Порубор? А больше – кому? Ну, наконец-то! Вскочив с сундука, Ярил бросился к двери…

– Вятша? – Он недоумевающе взглянул на хмурого русоголового парня. – А где же…

– Не пришел еще Поруборе, – усмехнулся Вятша. – Я вот решил его навестить, а Любима сюда послала, с лепешками да кашей… – Он поставил на стол большое деревянное блюдо. – Квасу, сказала, попозжей сама принесет.

– Ну, поедим, что делать. – Ярил потер руки. – Ты чего такой смурной, парень?

– Девчонка моя пропала, Лобзя, – отрок вздохнул. – Третьего дня по хозяйкиному велению в Киев послана. До сих пор нет. Заходил к Мечиславу-людину, тот сказал – сразу и ушла дева, сукна штуку забрав – затем ее и посылала хозяйка.

Зевота покачал головой:

– Так, может, в лесах где-нибудь заплутала? Мало ли…

– Вот потому Порубор мне и нужен, – кивнул Вятша. – Коли что – всяко сыскать поможет.

– А давно ты с усадьбы?

– Да с утра ушел, раненько…

– Так, может, и дома уже твоя девица?

– Может, и дома, – посмотрев на Ярила враз погрустневшими глазами, тихо ответил Вятша и еще тише добавил: – Только мне-то теперь туда ход заказан.

Зачем-то оглянувшись на дверь, он рассказал Зевоте обо всем, что случилось с ним утром. Потом лениво поковырялся ложкой в каше и снова посмотрел на Ярила:

– Совета у тебя попрошу, друже. Ты ж человече бывалый.

– Бывалый-то бывалый, – усмехнулся Ярил. – Да только и мне шастать без нужды по Киеву – живота лишиться. Мечислав-то – недруг мой давний, да ты и сам то ведаешь. Но ты не журись, Вятша, ужо знакомцев про деву твою поспрошаю. Мало ль – в городе где-нибудь задержалась.

– Да где ей тут задерживаться-то? Почитай, окромя Мечислава, и знакомых-то нет.

– Так, друже ж ты мой! – привстав, Ярил обнял Вятшу за плечи. – Не хочу тебя пугать, но Мечислав-людин – это такой гад, что всякое быть может.

Вятша вздрогнул, с ужасом взглянув на собеседника:

– Так ты думаешь…

– Ничего я пока не думаю, – Зевота положил руку ему на плечо. – Искать будем. Помогу, не сомневайся, все одно на пристанях сейчас никакой работы нету… Однако ж кажется мне – с усадьбы начинать надо. Ну, инда пождем Порубора, может, и он чего присоветует? Ежели заплутала, чай, не пропадет в лесу твоя дева?

– Да уж не пропадет, – улыбнулся Вятша. – Девка справная.

Порубор объявился наследующий день, утром. Войдя в избенку, аккуратно повесил к очагу вымокший полушубок и шапку, взглянув на спящих на сундуке гостей, покачал головой – и как не свалились? Нагнувшись, подергал за ногу Вятшу:

– Эй, хватит спать, чай, день уже! Вздрогнув, Вятша уселся на сундуке, едва не спихнув на пол Ярила, захлопал спросонья глазами:

– Поруборе!

Друзья обнялись, растолкали Зевоту.

– Вставай, подымайся, Яриле! Порубор пришел.

– О Поруборе! – Приоткрыв левый глаз, Ярил воззрился на отрока.

Кареглазый, румяный, с черными, как у Любимы, волосами, тот, улыбаясь, поправил набивной пояс с привешенным к нему узким хазарским кинжалом:

– Давненько ждете?

– Да вторую седмицу уже, – расхохотался Ярил.

– Да? – Порубор тоже рассмеялся. – А Любима сказала – вчера только пришли. Ну, рассказывайте, как жили-поживали, да чего в Киеве-граде деется? Я-то одичал в лесах, аки зверище дикое.

Ярил кивнул Вятше:

– Рассказывай, парень.

Выслушав, Порубор помрачнел, полностью согласившись с Зевотой в том, что искать пропавшую деву нужно либо в родной усадьбе, либо у Мечислава.

– Гостей ромейских нету пока, людокрады зря озорничать не будут, – почесав затылок, пояснил он. – Значит, только то и остается. Ну, ежели и впрямь в лесу не заплутала.

– По такому снегу – может.

Проговорили долго, все обсуждали, с чего начать поиски, да в конце концов согласились с Ярилом – тот предложил все ж таки сперва прояснить корчму Мечислава.

– Только я туда не ходок, – честно предупредил он.

Порубор кивнул.

– Есть у меня на примете один важный купец, – задумчиво протянул он. – Тоже, говорят, поохотиться надумал – дело завлекательное, да и мясо ни в каком доме лишним не будет, хоть у смерда, хоть у купца, хоть у боярина любого. Ежели дорожку не перебежит Ерофей Конь, столкуемся с гостем. Вот, в корчму Мечислава и приглашу.

Ярил бросил на отрока быстрый взгляд:

– Что за гость-то?

– Изрядный гость, важнейший купчище. – Пору-бор потер ладонями румяные щеки. – Уж ежели Ерошка Конь не…

– Да кто же? Отрок улыбнулся.

– Харинтий Гусь, – значительно постучав кулаком по столу, произнес он.

– Харинтий?! – разом воскликнули гости.

– Харинтий, Харинтий, не ослышались, – повторил Порубор. На губах его играла довольная улыбка.

Еще б было не радоваться! Харинтий Гусь – человек в Киеве не последний. Удачливый купец и работорговец, человек, имевший немалый вес во всех гильдиях киевских – и не только киевских – купцов, Харинтий мог позволить себе любую охоту, практически не считаясь с затратами. А поскольку леса близ самого Киева в большинстве своем принадлежали либо крестьянским общинам-вервям, либо боярам, либо самому князю, Харинтий Гусь мог рассчитывать только на относительно дальние пущи, что, принимая во внимание и свиту купца, было лишь на руку Порубору в смысле оплаты. Лишь бы только удачу не перебил давний конкурент Ерофей Конь, промышлявший тем же самым, что и отрок. Перехватить Харинтия Ерофей вполне мог – окрестные леса знал как свои пять пальцев. Впрочем, Порубор выглядел не в пример представительнее и вполне обоснованно надеялся на свой успех. Надев лучший кафтан и синий, шитый серебром плащ, он уже днем отыскал ярыжек купца и, представившись, назначил встречу в корчме Мечислава-людина. Знал, отличавшийся веселым нравом Харинтий обожает подобные заведения.

К встрече с купцом Порубор готовился тщательно. Согнав с сундука гостей, выбрал из трех рубах лучшую – ярко-зеленую, с желто-красной вышивкой по вороту, рукавам и подолу. Поверх рубахи надел узкий варяжский кафтанец из толстого сукна теплого желто-

вато-коричневого цвета, подпоясался наборным пояском, накинул на плечи плащ, длинные волосы убрал под бобровую шапку с красным околышем.

– Ну, жених! – восхитился Ярил Зевота. – Как есть жених. Порубор, а давай тебя женим? По летам – пора уже.

Отрок сконфуженно покраснел, опустив глаза долу.

– Ну вас, – отмахнулся он. – Ждите, к ночи явлюсь.

– Ну да, будем мы без дела тебя дожидаться! – Ярил засмеялся. – К пристаням пока сходим, да на торг – тихохонько. Может, чего и выясним, верно, Вятша?

Вятша кивнул.

Ничего они так и не выяснили, хоть и шлялись по Подолу да пристани почти целый день. Правда, мужик один говаривал на пристани, дескать, какой-то богатый купец собирает дев-белошвеек платы да плащи узорами вышивать-изукрашивать.

– Может, к купчине этому и подалась твоя Лобзя? – встретившись у Копырева конца с Вятшей, предположил Ярил.

– Вряд ли, – парень покачал головой. – Ну, какая из нее белошвейка? Да даже если и ушла, уж мне-то сказала бы. Хотя, конечно, проверить можно. Где, ты говоришь, девок шить собирают?

– А леший его знает, – Зевота махнул рукой. – Так и не ясно. Даже как купца звать – и то никто ничего.

– Но ведь девы-то как-то находят?

– Находят. И мы найдем. Только уж не сегодня, – Ярил посмотрел на лиловое вечернее небо. – Завтра. Да и Порубору уж пора появиться. Нешто до ночи в корчме сидеть? Народец там лихой собирается…

– Эвон! – показывая на угол ведущей с Подола улицы, перебил его Вятша. – Вон не Порубор ли?

На углу показался всадник на гнедом коне. Рысью проскочив по улице, он повернул на Копырев конец.

– Порубор! – разом закричали Вятша с Ярилом. – Поруборе!

Всадник остановил коня, обернулся.

– Ну? – радостно улыбнулся Вятша. – Я же говорил – он.

На постоялый двор Зверина пошли вместе. Спешившийся Порубор взял коня под уздцы и неспешно рассказывал о своей встрече с Харинтием. Сперва похвастал – Харинтий Гусь и в самом деле интересовался охотою, был у него, оказывается, старый знакомец, сурожец Евстафий Догорол, по приезде которого, в конце травня-месяца, Харинтий и решил устроить охоту.

– С чего это он о травне беспокоится, когда еще зима на дворе? – недоверчиво переспросил Вятша.

Ответил не Порубор, Ярил:

– Ас того, друже, что Харинтий – купчина не из дурных и привык все дела решать не спеша, загодя.

– Верно, Яриле, – согласно кивнул Порубор. – Велел Харинтий заранее угодья присмотреть, да, как снег стает, его самого провести… Купчина умнейший, я думаю – дела у него какие-то наклевываются с этим сурожцем, вот и хочет он переговорить с ним в спокойствии, подальше от людских глаз.

– Подальше? – усмехнулся Зевота. – А печенегов не боится?

– Не, не боится. Говорит – у него и с ними дела имеются. Да, теперь по поводу твоей просьбы. – Порубор посмотрел на Вятшу. – Спрашивал я Харинтия о девах. Вызнал – собирает дев-рукодельниц какой-то купчина.

– Тю! Это мы и сами вызнали, – махнул рукою Ярил. – Правда, не знаем пока, что за купец. Харинтий о том не сказывал?

– Не сказывал. – Порубор зачем-то оглянулся и, понизив голос, поведал о том, что, по всему, Харинтий сильно сомневается в наличии такого купца – не потянуть купчине мастериц, накладно слишком, да и не стоит овчинка выделки, куда как легче все уже готовое приобрести.

– Но ведь девок-то собирает кто-то! – не выдержав, перебил отрока Вятша. – Мы ж на Подоле слыхали.

– Ходят такие слухи, – кивнул Порубор. – Но кто и зачем – никто не ведает. Если кто из купцов – Харинтий уж всяко бы знал.

– Да, дело темное, – протянул Вятша.

– А еще волхвов в Киеве много стало, – помолчав, промолвил Ярил. – Эвон, на торгу их сколько!

Да и на пристани трех встретил. Хвастали, их сам князь привечает. Ой, не к добру то… Да ты не переживай, парень. Завтра еще разок пройдемся, послушаем, посмотрим. А вообще, лучше б было усадьбу тетки Любомиры проведать. Может, и там уже давно твоя дева?

– Может быть, – Вятша кивнул. – Завтра с утра и пойду, посмотрю издали. Ежели Лобзя там, уж всяко увижу.

– Волхвы, говоришь? – Порубор задумчиво посмотрел на Ярила. – Князь собирает? А почему только волхвов? А волхвиц что, не надобно?

– Волхвиц? – Зевота сдвинул на затылок шапку и прошептал: – А ведь и правда! Никакие те девы не мастерицы – волхвицы они, чаровницы-колдуньи… Видал, к Зверину на постоялый двор сразу двое волхвов пришли, сегодня же их и выспросим, а, Поруборе?

– Конечно, выспросим, – подмигнул отрок. – Чай, не пересохла еще у Зверина брага!

Утром разошлись: Вятша направился к усадьбе, а Порубор с Ярилом Зевотой, прихватив с разрешения Зверина пару лошадей из конюшни, выехали из города через южные ворота и поскакали к Роси-реке, именно туда, как вчера проболтались изрядно захмелевшие от даровой браги волхвы – Войтигор с Кувором, – и должны были вскоре пойти все кудесники, собравшиеся в Киеве по воле князя Дира.

– Волхвовать будем, – поднял вверх палец носатый Войтигор. – На теплую весну да на дождики летние. То – к урожаю.

– Ага, на весну, как же, – смеясь, перебил приятеля пьяный Кувор, круглолицый, с глазами цвета потухших углей. – На войну кудесничать будем, вот что! Слыхал я, о чем Колимог с Мечиславом-корчмарем шептались. Так что – к войне, к войне все…

– Ас кем воевать-то, с печенегами али хазарами?

– С ромеями… но – тссс! О том пока никому… Вот как князь прикажет, доберемся до Роси-реки, а уж тогда… Уж тогда с ромеями сладим! Ужо наберем в Царьграде богатств да дев темнооких.

– Так и вы, что ли, с войском в Царьград пойдете?

– А чего б нам не пойти, отроче, коли князь скажет? – Икнув, круглолицый волхв рассмеялся мелким противным смехом.

Послушав волхвов, скакали теперь Ярил с Порубором на юг, к Роси-реке. Не близок путь был, однако по наезженной зимней дорожке скакалось легко, тем более что погода на мороз повернула. Выглянуло из-за облаков ласковое желтое солнышко, вспыхнуло самоцветами в заснеженных ветках деревьев, золотом засияло в сугробах, синих, как нависшее над ними, очистившееся от разноцветных туч небо.

Ехали долго, ночевали в заимках, тщательно помеченных на пергаментной карте, что прихватил с собой Порубор, а где было возможно – просили приюта у старост встречавшихся

по пути селений, небольших, в пять-шесть дворов, окруженных оградой из крепких бревен. Ограда та – от зверей больше, от лихих людей нет иной защиты, чем княжье слово.

Долго ли, коротко ли – а и показалась наконец Рось-река – конечно, поуже Днепра-батюшки, но тоже довольно широкая, привольная, окруженная высокими холмами-утесами, покрытыми густым смешанным лесом. Проехав немного вдоль реки, повернули на север, словно бы обратно, углубляясь в почти непроходимые чащи. Узкую лесную дорожку – путь для саней-волокуш – со всех сторон обступали деревья: березы, осины, сосны, попадался иногда и бук с грабом. Деревья росли так густо, что лучи солнца почти не достигали пути, впрочем, холодно не было – лес и холмы надежно укрывали от ветра.

– Удивляюсь я тебе, Поруборе, – покачал головой Ярил. – Ты и эти места знаешь?

– Ни разу не был, – помолчав, не сразу отозвался отрок. – Вот, зарисовал со слов купцов да охотников. – Улыбнувшись, он вытащил из-за пазухи карту. – Ничего, не заплутали покуда… И о твоей просьбе я не забыл, Яриле. Ты присматривай, присматривай место.

– А не далековато? – поинтересовался Зевота. -

Эвон, забрались-то!

– Ближе к Киеву – княжеские угодья да боярские. – Порубор усмехнулся. – Кто ж тебе разрешит там постоялый двор ставить? Да не так тут и далеко – мы-то с тобой вкруголя едем. Мыслю – должна и прямая дорожка быть. Как ей не быть-то? Ежели столько волхвов да волхвиц князья призвали – капище задумано преизрядное!

– Отыскать бы его только…

– Чай, не иголка, отыщем! Сейчас поедим, выберем сосну иди дуб повыше – глянем.

На деревья забирались по очереди, не раз и не два, а ничего даже отдаленно напоминающего капище – никаких строений, ни украшенных жертвами и ленточками дубов – видно не было. Да и дорожка стала гораздо хуже, сузившись до предела и больше напоминая звериную тропу. Если и было капище – то следовало признать правоту Порубора – вел к нему и другой, более удобный и быстрый путь. Только вот про него никто не знал, даже в окрестных селищах. – Интересно почему? – вслух рассуждал Ярил, соскребая снег с подбитых беличьими шкурками лыж, – лошадей они давно уже оставили во встретившемся по пути селении, там же раздобыли и лыжи в обмен на сердоликовые бусины, прихваченные с собою запасливым Зевотой. – А потому, – оглядываясь, продолжал он, – что колдовские дела – тайные. Нельзя простому человеку знать, как князь с волхвами у богов победу выпрашивает.

– Тайные? – Порубор зябко повел плечами. – Не люблю я этих тайных дел. И волхвов не люблю тоже… День уже клонился к вечеру – путники выбрали подходящую полянку и принялись очищать место для костра, используя в качестве лопат широкие лыжи. Очищая небольшой, диаметром в две сажени, круг, слежавшийся снег аккуратно – кирпичиками – укладывали по краям, от зверья и ветра. Впрочем, ветра тут и так не было, а вот насчет зверья… Ночью пришли волки! Их голодный вой поначалу слышался где-то в отдалении, но постепенно приближался, так что проснувшийся Порубор, вскочив, увидел, как сверкнули волчьи глаза за деревьями, уже совсем близко. Быстро растолкав спутников, он закинул за плечи мешок и кивнул на высокий дуб, почти у подножия которого они и устроили бивуак с костром и шалашом из веток. – Полезли-ко на деревину, Яриле. Эвон – волки!

– Вижу, что волки, – Зевота протер глаза снегом. – Хорошо, лошадей в селище оставили. Уай! Да их тут стая!

. Прихватив пожитки, ребята со всех ног бросились к дубу, чувствуя за спиною щелканье зубов и яростное дыханье хищников.

– Что, серые твари? – удобно примостившись на суку, свесил вниз ноги Ярил. – Взяли? То-то же!

Прыгайте, прыгайте…

Поплотней запахнув полушубок, Порубор привязался веревками к ветке:

– До утра далеко, посплю, пожалуй.

– Не боишься замерзнуть?

– Не боюсь. Эвон, кажись, опять на дождь повернуло.

– Интересно, долго нам тут куковать?

– А, ты про волков? – Порубор широко зевнул. – Да не будут они тут до утра сидеть, уйдут – в лесу добычи хватит. Спи, Яриле, только привяжись покрепче.

Крупными хлопьями повалил мокрый снег, покрывая притулившихся среди веток путников. Серые бестии внизу еще повыли, поклацали зубами да несолоно хлебавши исчезли за деревьями, растворясь в ночи. Видно, и в самом деле решили поискать более реальной добычи. Порубор давно посапывал, уткнувшись лицом в кору, а Ярилу долго не спалось, все лезли в голову всякие мысли – о Любиме, о собственном постоялом дворе, о серебришке. Последнее – вроде бы и мелочь, а как без него плохо! Решил, ежели вдруг не получится со двором – пойти на Царьград с княжьей дружиной. Уж ежели и вправду постарались волхвы – победа будет знатной, и добычи хватит на всех. Можно будет привезти Любиме разноцветные ромейские ткани, золотые мониста, браслеты и серьги, а дедке Зверину… дедке Зверину… Что же такое подарить дедке Зверину?

Будущий тесть, как-никак… Может, паволоки? Да зачем ему паволоки, он же не женщина. Тогда какой-нибудь кинжал или меч – всяко в хозяйстве сгодится. А лучше – пару крепких рабов… Нет, крепких не возьмет Зверин – осторожный, лучше быстроногих мальчиков, чтоб не ждать гостям…

– Эй, Яриле, Яриле! Просыпайся, солнце-то, эвон… Зевота приоткрыл левый глаз. И тут же закрыл – прямо в зрачок ударило солнце. Протерев глаза руками, Ярил посмотрел вниз – да, волков и вправду не было. А может, за деревьями притаились? Ждут?

– Да нету там никого, – спускаясь, засмеялся Порубор. – Смотри-ка, тучи какие! – Отрок восхищенно присвистнул.

Ярил покрутил головой – ив самом деле, было на что взглянуть. По небу, зеленовато-голубому, как бурное море, проносились гонимые ветром облака – ярко-зеленые, желто-фиолетовые, оранжевые, – подсвеченные снизу сверкающим золотом солнца. Сияние это делало бегущие облака какими-то ненастоящими – волшебными, праздничными, какие они бывают, наверное, только где-то в ином, более счастливом мире. Внизу, от холма, где ночевали путники, тянулся поросший редколесьем распадок. С дуба хорошо были видны покрытые снегом кусты терновника и малины, они уходили вдаль прихотливо изгибающейся линией, словно кто-то нарочно сплел вместе их ветви этаким сияющим на солнце плетнем… плетнем…

Ярил присмотрелся внимательней: линия кустов – или плетня? – сильно походила на изображение человека, огромного круглоголового великана с разбросанными далеко в стороны руками и широко расставленными ногами. Левая нога почти касалась подножия холма с дубом, а голова словно бы прилегала на другой холм, густо поросший сосною. Где-то посередине, примерно в районе сердца, смутно угадывалось какое-то строение… Частокол!

– Что ты там увидел, Ярил? – поинтересовался с земли Порубор.

– А? – вздрогнув, переспросил Зевота и улыбнулся. – Мы с тобой, кажется, искали капище…

Спустившись на лыжах с холма, путники осторожно пошли вдоль кустов. И в самом деле, кое-где из-под снега торчал плетень, обогнув который они увидели перед собой высокий частокол из крепких сосновых бревен.

– Не стоит торопиться, – вытаскивая из-за спины лук, шепнул Ярил. – Мало ли – кто там? – Скинув лыжи, он обернулся к отроку. – Я осторожненько гляну, а ты прикрой, ежели что.

Порубор кивнул, налаживая стрелу. Укрылся за ближайшим кустом, зорко посматривая, как подбирается к частоколу приятель. У самого входа он резко упал на живот и чуть прополз по снегу вперед, к узкому проему меж бревнами. Заглянул и, обернувшись, помахал рукою:

– Пусто! Но что-то там есть такое… Я посмотрю быстренько. Ты жди, Поруборе. – Встав на ноги, Ярил скрылся из виду. Его долго не было. Порубор уж извертелся весь за кустом, потом, держа перед собой лук с налаженной на тетиву стрелою, стал медленно подбираться к частоколу… и едва не поразил выбежавшего из-за частокола Ярила.

– Волхвы? – в ужасе воскликнул отрок. Вид у Зевоты был хмурый.

– Волхвы? Нет, хуже!

– Хуже?

– Да что говорить, пойдем, сам все увидишь… Да брось ты лук, там нет никого живого…

Произнесенные Ярилом слова как нельзя лучше характеризовали то, что предстало глазам Порубора за частоколом. Это и вправду было капище, судя по огромному идолу с оскаленным злобным лицом. Вырезанный из ясеня, он стоял прямо перед входом, мерзкий, с вытянутыми вперед когтепалыми руками-лапами, словно хотел сграбастать любого, осмелившегося потревожить его покой. Вокруг него толпились идолы поменьше – такие же противные, корявые, острозубые, а уж за ними, так же кругом, торчали колья… много, много кольев, не один десяток и не два. И на каждый… На каждый кол была насажена голова женщины!

– Их здесь сотня, – положив руку на плечо обомлевшего отрока, прошептал Ярил. – Сто принесенных в жертву дев… Сто дев.

– Что-то не очень эти боги похожи на наших, – так же шепотом отозвался Порубор. – Хотя главный чем-то похож на Перуна… А рядом, с лицом в виде черепа, – Мокошь? Так, значит, вот… – Отрок замолк, и глаза его округлились.

– Узнал кого-то? – тихо спросил Ярил. Порубор молча показал на одну из голов, прямо перед скалившим зубы идолом.

Зевота уже догадался, кого узнал его юный приятель. Лишь уточнил:

– Лобзя? Отрок кивнул:

– Бедный Вятша… Хорошо, что его здесь нет. Путники переглянулись.

Отрубленные головы, казалось, смотрели прямо на них, словно бы вопрошая: а кто тут осмелился нарушить их мертвый покой? Под каждой из голов натекла лужица крови, стая ворон, взявшись неизвестно откуда, кружила вокруг, дожидаясь, покуда живые покинут обитель мертвых. Кое-кто из них, осмелев, уже садился на дальние головы, с жутким карканьем выклевывая глаза.

– Да, здесь одни женщины. – Ярил еще раз обвел глазами кровавое капище. – Вот, значит, зачем… Сто дев. Интересно, куда они дели тела? Наверное, сожгли, откуда-то тянет горелым… Да, не повезло Вятше. Впрочем, и многим другим. И ведь никто точно не знал, так, ходили разные слухи… Надо же – сто дев!

– Сто дев, – как эхо, повторил Порубор.

Глава 2
ОХОТА
Февраль 866 г. Южное Приладожье

На великом добре не погибают ли?
На малем худе проживают ли?
Безумным Бог не промышляет ли?
А с умом по двором не ходят ли?
На море и на великих реках плавающих
Бог не спасает ли?
А на малых источницех и на лужах
Не утопают ли?
Предисловие книги сея добрый читателю.

«Сокровища древнерусской литературы»: анонимное стихотворство – «Предисловия многоразлична».

Недалеко, за холмом, глухо протрубил рог. Хельги стегнул коня, оглянулся – скачущие за ним всадники в разноцветных плащах азартно скалили зубы. Пущенные по следу зверя собаки с лаем неслись впереди, выбрасывая из-под лап снег. Повсюду слышались крики, хоть и следовало поостеречься – не распугать дичь – да, впрочем, чего уж? Даже самый глухой тетерев давно услыхал сладостные для всякого охотника звуки облавы – смех, громкие крики загонщиков, ржание лошадей, яростный собачий лай.

– Ату его, ату! – науськивали несущихся молниями псов ловчие – молодые веселые парни. – Ату!

Судя по следам, впереди был огромных размеров секач – знатная добыча. Хельги чутко прислушивался к зимнему лесу – не одна ватага загонщиков была выставлена им в честь приезда именитого гостя. Сам Рюрик – могущественный северный князь, муж сестры Хельги Еффинды – вот уже третий день гостил у своего родственника, молодого ладожского ярла. Сначала были пиры – с утра и до глубокой ночи, с песнями, плясками и ристалищами, затем пришел черед охоте. И вот уже с лаем несутся псы по ноздреватому голубому снегу, и трубит охотничий рог, и слышатся кругом радостные крики; богато одетые всадники – свита Рюрика и люди Хельги – несутся меж деревьями на сильных сытых конях, ласковый ветер остужает разгоряченные погоней лица, а в ярко-голубом небе ослепительно сияет солнце.

– Ату его, ату!

Вся свора с лаем неслась по следу. И вот уже впереди, казалось – совсем рядом, мелькнула за деревьями бурая ощетинившаяся туша. Зверь пер напролом, через колючие кусты подлеска, рвался к реке, видно, хотел укрыться в густых камышах, а то и просто уводил охотников от стада.

– Ату!

Хельги чувствовал, как радостно вскипала у него в жилах кровь. Быстрей, быстрей! Конь вынес ярла на вершину холма – там уже дожидался вырвавшийся вперед Рюрик – вислоусый, с длинной седовато-пегою бородою. Светлые глаза его смотрели из-под кустистых бровей, казалось, с насмешкою – дескать, что вы тут мельтешите? И в самом деле, князь давно уже мог нагнать кабана, да ждал чуть запоздавшую свиту. Охота без зрителей – не охота, а так, промысел простолюдинов. Иное дело сейчас…

– Ну, и где вас носило? – с притворной суровостью воскликнул Рюрик, когда молодой ярл осадил перед ним коня.

– Сперва прошлись берегом, князь, – со смехом ответил Хельги. – Загонщики видали там лося.

– Лося? – Князь оживился. – Достойная добыча! Хотя и вепрь – тоже ничего. Надеюсь, мы его не упустим.

Рюрик привстал в седле, немолодой, но вполне еще крепкий и полный сил. Оглянувшись, махнул рукою и, тронув поводья, помчался с холма вниз, по кабаньему следу.

Хельги проводил его долгим взглядом. Он не поскакал вслед за веселой кавалькадой, главный на этой охоте – гость. Ему и почетное право первому забить зверя. Чуть поотстав, ярл поискал глазами сокольничих. Ага, вот они, на залитой солнцем поляне. Подъехал к ним, подставив прирученному соколу руку в толстой перчатке.

– Там, в деревах, похоже, тетерев, княже, – показал рукой один из сокольничих, худой востроглазый парень с чуть свернутым на левый бок носом.

– Вижу, – Хельги кивнул, снимая с головы сокола черный колпак. Задавая направление, подбросил на руке птицу: – Хоп!

Ловчие всплеснули руками, за деревьями затрепыхалась жирная тяжелая туша. Сокол, взлетев над поляной, углядел ее зорким взглядом и, сложив крылья, камнем полетел вниз. Налетев, ударил тетерева клювом, заставив судорожно забиться. Полетели на снег перья и мелкие капельки крови…

– Молодец, Хьесульф, – осторожно возвратив на руку, похвалил сокола Хельги. – Хорошая птица. Жаль, придется тебя подарить Рюрику… ну, да ничего не поделаешь. Однако как там? – Он прислушался. – Похоже, они уже настигли вепря.

Ярл пришпорил коня, понесся стрелой, пригнув голову к гриве. Вышибая слезы, забили по лицу тяжелые ветки, засвистел в ушах теплый, по-весеннему влажный ветер.

Когда ярл прискакал к охотникам, все уже было кончено. Пораженный коротким копьем в сердце, громадный секач лежал на снегу, орошенном кровью. Слуги князя уже свежевали добычу, отбрасывая в сторону дымящиеся сизые кишки.

– Князь убил его с одного удара, – обернувшись, пояснил Снорри. Светлые волосы на непокрытой его голове смешно торчали в разные стороны, раскраснелись щеки, а улыбка была совсем еще детской. Хельги потрепал старого дружка по плечу. На сколько же Снорри моложе его? Года на четыре? Ну да, где-то так… Давно пора бы ему жениться.

– Ты что-то задумал, ярл? – фыркнул вдруг Снорри. – Уж больно хитро смотришь.

– Что-то давненько ты не заходил к нам в гости, парень, – ярл засмеялся. – Вот и Сельма про тебя спрашивала, как, мол, там наш Снорри?

– Сельма, видно, хочет меня женить, – расхохотался молодой воин. – Не так, ярл?

– Может, и так. Кто их поймет, этих женщин? Но, я думаю, все же следует дать ей шанс.

– Ага, за мой счет?

– Рад видеть вас счастливыми, – незаметно подошел к ним Рюрик. – Знатная выходит охота. Да и боги тоже радуются – послали и синее небо, и солнце. Недаром мы принесли им хорошие жертвы… И еще принесем. – Князь взглянул на кабанью голову.

– Да, это хорошая жертва, – кивнул Хельги-ярл. – Боги, несомненно, будут ею довольны. Не хочешь ли взглянуть на ловчих птиц, князь? Мои сокольничие ждут на поляне.

– С птицами успеем всегда, – резонно возразил Рюрик. – Говорят, твои люди где-то видели лося?

– Видели. – Хельги жестом подозвал загонщиков. – Покажите князю след.

– Благодарю тебя, ярл, – вскакивая в седло, усмехнулся Рюрик. – Не надо столько людей, я возьму этого лося сам!

Хлестнув коня, он поскакал следом за ловчими. Ярл кивнул Снорри:

– Езжай следом и присмотри.

Молодой воин понимающе кивнул и тронул коня. Хельги задумчиво посмотрел вслед быстро исчезающей за деревьями кавалькаде. Он, конечно, на всякий случай, послал для пригляду верного человека, хотя… Хотя точно знал – ничего с Рюриком не случится! И не может случиться еще много лет, как и вряд ли что-нибудь может произойти с ним самим. Второе сознание ярла – сознание человека, жившего в далеком будущем, – ясно говорило ему об этом. Ясно и беспрекословно, безо всяких там «может быть», «вероятно» и «кажется». Все было заранее предопределено судьбой. И путь Рюрика, и путь Хельги… и путь Черного друида Форгайла, обделывавшего свои мерзкие дела под личиной киевского князя Дира – Дирмунда Заики из Бильрест-фьорда. Друид хотел абсолютной власти и получил бы ее от своих гнусных богов, жаждущих человеческой крови, вернее, уже почти получил. Только еще жив был Хаскульд, реальный киевский князь, а Дирмунд довольствовался лишь жалкой ролью соправителя. К тому же Хаскульд ему не очень-то доверял после того, как Дирмунд тайком попытался создать капище древнего кельтского бога и верную только ему дружину из юношей-волков. Ни то ни другое у друида не вышло благодаря вмешательству Хельги, как не получилось и опорочить молодого властителя Ладоги перед окрестными жителями, используя страх, ложь и предательство. Страх, ложь и предательство… Именно на этом и хотел выстроить Дирмунд башню своей власти. Чтобы все следили друг за другом, чтобы все доносили, чтоб все боялись. У него не вышло в тот раз… Не прошло и здесь… Но ведь может, в конце концов, получиться снова в Киеве! Если только Хаскульд и его дружина хоть на миг потеряют бдительность или отправятся куда-нибудь в далекий поход, скажем, на Царьград, а такое вполне может случиться. И если Дирмунд под каким-либо предлогом останется в Киеве… Нет, таки Хаскульд еще не настолько глуп… Да, не глуп, но и не вечен! И после его смерти Дирмунд развернется сполна. Следовало бы лишить его такой возможности… Самому захватить Киев? Не хватит сил. Пока не хватит… Но время идет, и покуда он, Хельги-ярл, укрепляет свою власть в Ладоге, Черный друид тем временем под личиной Дирмунда преспокойно обделывает свои делишки и замышляет разную гнусь. А ведь на этот раз у него вполне может получиться, если Хаскульд потеряет чутье. Хельги знал, что придет тот день, когда он сам станет властелином Киева, но до этого дня еще так далеко! Но и приблизить его нельзя, ибо, как говорят скальды: «Никто не избегнет норн приговора!»

Норны, слепые девы судьбы, плетут свою пряжу из человеческих жизней, и никому не дано ничего изменить.

– Никто не избегнет норн приговора, – усмехнулся ярл, вспомнив, как закончилась ничем давняя его встреча с друидом. «Вещий князь, Вещий Олег» – так все чаще называли его в Ладоге, ибо Хельги во многих случаях знал все наперед. Вот и сейчас северный князь несся себе за добычей, а молодой ярл знал, что через несколько лет у Рюрика родится сын, что нарекут его Ингваром, что долгие годы вместо Ингвара будет властвовать он, Олег-Хельги, и что погибнет в конце концов Ингвар страшной смертью в древлянской земле, погибнет из-за собственной алчности, а жена его, Ольга, страшно отомстит простоватым древлянским старейшинам. Правда, это уже совсем другая история, но так будет, именно так, ибо «никто не избегнет норн приговора».

Пригнувшись в седле, Рюрик гнал коня по лосиному следу. Ловчие поотстали, да и не имели права лезть вперед. Это был еще не очень матерый зверь, видно было, как тяжело ходили его бока от сорванного погоней дыхания. Набравшись смелости, собаки уже хватали зверя за бока, он упирался, пару псов все ж таки достал копытами, и с раскроенными черепами те покатились на снег. И след у этого зверя был каким-то странным, словно бы раздвоенным. Князь придержал коня, нагнулся… Ну да, двойной! Вон у сосны он снова появляется, словно зверь совершил здесь длинный прыжок.

Указав на тяжело дышавшего лося, Рюрик махнул рукой ловчим:

– Держите!

Сам же резко направил коня в сторону небольшой поляны, располагавшейся над обрывом, почти на самом берегу Волхова. Придерживая коня, Рюрик осторожно перехватил в руке копье и тут увидел другого, матерого и сильного лося! Огромный самец с развесистыми рогами, стоя в засыпанных снегом кустах, недобро косился на охотника большим красноватым глазом. Страшная горбатая морда его, бурая, с желтовато-белесыми проплешинами, медленно поворачивалась к человеку. Да, нелегко будет взять такого красавца! Рюрик спешился, похлопав коня по холке. Чувствовал, сейчас лось бросится, больше выжидать нечего…

И лось бросился! Стремительно, будто лесная бабочка, а не туша весом в тридцать пудов! На это, как опытный охотник, и надеялся князь, потому и спешивался…

И – даже будучи уже готовым – едва успел отскочить в сторону. Огромная бурая туша пронеслась мимо, на миг задержалась, терзая копытами снег. И вот этого-то мига и хватило Рюрику, чтобы нанести точный, выверенный годами удар! В левое подбрюшье, снизу вверх, в сердце. Ах, какой был удар! Стремительный, точный, сильный. Передние ноги лося подломились, и он с ревом ткнулся мордой в сугроб возле старого, почти полностью скрытого снегом пня.

Рюрик улыбнулся, он имел полное право гордиться собою. Далеко не каждый охотник может вот так, в одиночку, справиться с матерым зверем. Щурясь от яркого солнца, князь посмотрел на небо, не выдержав, поставил ногу на еще теплое лосиное тело. Возле пня, выбираясь из снега, метнулась вдруг быстрая черная тень – князь даже не понял, как ядовитые зубы впились ему в горло. И небо над его головой вдруг сделалось черным, а солнце померкло. Коченея, Рюрик упал лицом в снег, рядом с поверженным красавцем лосем… Один из ловчих, прибежавший на зов князя быстрее других, изумленно посмотрел на сосну, росшую рядом с пнем. Вроде бы показалось… Он потер глаза… И вправду – показалось. Обернулся – на поляну уже бежали люди.

– Беда, ярл! – На поляну с сокольничими выскочил Снорри. Спрыгнув с коня, подбежал к Хельги. – Князь Рюрик погиб!

– Как погиб? – изумленно встрепенулся Хельги. – Но ведь еще рано! – Он ударил коня. – Скачем же скорей, Снорри!

Рюрик лежал на расстеленном на снегу плаще, рядом с поверженным лосем.

– Видно, зверь ударил копытом в грудь, – тихо прошептал Снорри. – Такое случается на охоте, ведь правда?

Ничего не ответив, Хельги наклонился к Рюрику – да, тот был мертв. Опустив голову, ярл молча постоял, скорбно поджав губы, потом вскинул глаза на слуг:

– Забирайте тело.

Солнце все так же безмятежно сияло в голубом небе, на ветках деревьев весело чирикали птицы, где-то рядом трубили рога носившихся по лесу ватаг – еще не знали! – над красным от крови снегом поднимался пар. По велению ярла слуги уносили в Ладогу тело погибшего князя.

– Слишком рано, – глядя им вслед, шептал Хельги. – Слишком рано… И – почему Рюрик?

Стоявший рядом Снорри – верный воин и друг – обернулся:

– Что ты там шепчешь, ярл?

– Странная смерть, – тихо откликнулся Хельги. Снорри пожал плечами:

– Да что в ней странного-то? Ну, ударил лось копытом – бывает. Князь умер как воин!

Траурный кортеж растянулся по льду Волхова аж на две ромейские мили. Первыми ехали вельможи Рюрика и Хельги. Судя по их вполне жизнерадостному виду, смерть князя вовсе не произвела на них особо тяжелого впечатления. Да и ни на кого – каждый понимал, смерть – лишь ступень в иной, более лучший мир, а Рюрик умер достойно, значит, нужно не грустить, а радоваться. Вызывало озабоченность другое – кто будет княжить теперь? Кто-нибудь из рода Рюрика или… Или вновь запылают города и усадьбы? Чтобы такого не случилось, надобно выбрать самого авторитетного… такого, как молодой ладожский ярл Хельги. Он и знатен, и родич Рюрику, и умен, как мало кто другой – не зря же его так прозвали – Вещий. Да и показал уже свое умение править. Казалось, нет лучше кандидатуры… Но, может быть, это только казалось? Ведь Хельги-ярла никто не знал в стольном городе Рюрика – Новгороде. Вернее, знали, но не так, чтоб уж очень хорошо. А надо, чтоб узнали. Так думали многие из ладожских бояр, так думали и в Новгороде, и рядом – на Городище Рюрика – укрепленном замке на берегу Волхова. Именно туда и привезли мертвое тело князя. Простоволосая Еффинда выбежала к мужу босая, упав на грудь, зарыдала, царапая ногтями щеки. Не потому, что потеряла рассудок от горя – по традиции так было надо. Прорыдав некоторое время, в дальнейшем общалась с братцем Хельги вполне адекватно, даже пару раз улыбнулась, когда ярл рассказывал о дочерях. Смерть сама по себе вовсе не являлась чем-то горестным в этом молодом мире, полном диких предрассудков и суеверий. Всего лишь ступень… Однако в случае с Рюриком дело осложнялось проблемой наследования власти. Рюрик был достаточно авторитетным князем, сильным верной дружиной и хорошо налаженными связями. Как-то встретят его преемника новгородские бояре и градские старцы? Как-то рассудит вече?

– Со старцами надобно прояснить, – кивнул Конхобар Ирландец. – Вече рассудит так, как они захотят. Есть еще дружина, но что хочет дружина, понятно – серебра, золота, драгоценных тканей. Это все можно получить, совершив хороший набег.

– Царьград? – Хельги вскинул глаза, с удовлетворением чувствуя, что не зря взял с собою ушлого Ирландца.

Они сидели за столом в прохладной светлице, ожидая назначенной на завтра тризны. По просьбе ярла вдова Рюрика Еффинда приказала без особой надобности не допускать в дом никого – в дверях постоянно стояли вооруженные стражи.

– Я переговорил по пути с некоторыми боярами, – делился впечатлениями Конхобар. – И знаешь, ярл, многие из них будут рады сменить исстарившегося Рюрика на более молодого князя. Молодого и активного.

– Ага, чтобы самим управлять за его спиною!

– И это вполне может быть, ярл. – Ирландец сухо рассмеялся. – Главное, взять власть… Не говори ничего, но нам на руку нежданная смерть Рюрика. Ведь появилась возможность подчинить себе весь север Гардара – Альдегьюборг, Хольмгард, Изборск, Белоозеро! А дальше можно будет прибрать к рукам и Смоленск, и Любеч, и – что там говорить – Киев! Не забывай, Киев куда более удобен для нападения на империю ромеев, нежели Хольмгард-Новгород, не говоря уже об Альдегьюборге. А ведь именно с этих набегов кормится большая часть дружины. А ее нужно ублажать, чтобы она была верной.

– Знаю, – Хельги кивнул.

Киев… Да, если б взять его на меч – можно было бы окончательно справиться с друидом. А для этого нужна власть. Может, и в самом деле смерть Рюрика придется кстати? Ведь пришлась же! Но чуть позже…

– Я тут поразмышлял немного, – усмехнулся ярл. – О тех, кто поможет мне взять власть. Они же могут и помешать. Это бояре, дружина, вече… Чего надо боярам и дружине, понятно, а вот вече… это простые люди. Думаю, им, как и в Ладоге, нужен покой. Покой, для того

чтобы спокойно пахать и сеять, охотиться и ловить рыбу, для того чтобы просто жить, не ища богатств в чужих странах.

– Покой? – Ирландец вскинул глаза. – Ну да, это именно то, что нужно черному люду. Вот только этот покой никак не совместить с алчностью бояр и дружины.

– Бояре и сами в дружине.

– Э, брось, ярл. Уже далеко не все. Многие исподтишка захватывают общинные земли, закабаляют смердов и кормятся уже с них. Так происходит и здесь, ш на юге, в Киеве, везде.

– И будет происходить дальше, – согласно кивнул Хельги. – Так вот, насчет покоя для черных людей, Нужно дать им закон и порядок – и четкое соблюдение этого порядка.

– Такое, как теперь в Альдегьюборге? – Узкие губы Ирландца изогнулись в улыбке. – Но для этого опять-таки нужна дружина, а она мечтает о далеких походах. Это и богатство и слава.

– Пусть мечтает, – Хельги махнул рукой. – Дружина получит походы. А порядок в подвластных мне землях будет поддерживать другая, младшая, дружина…

– Так ведь и та…

– …которую мы наберем из смердов. Вернее, из их младших детей.

– Понял тебя, ярл, – расхохотался Ирландец. – Идея Дирмунда насчет юношей-волков?

– Ну, не совсем то же самое, но… где-то так, – уклончиво отозвался Хельги. – Надеюсь, ты прихватил с собой верных людей, Конхобар?

– Обижаешь, князь! Пришлось даже снять несколько человек – самых умных – с усадьбы Ермила Кобылы… Кстати, ни Лейв, ни Борич Огнищанин там так и не объявились.

– Бежали к своему хозяину, – хохотнул ярл. – Куда ж еще-то? Правда, насчет Борича не уверен…

Конхобар вскинул глаза:

– Есть у меня на Огнищанина кое-что.. .хотя… надо бы получше проверить.

– Проверяй. – Хельги пожал плечами. – Не это сейчас главное. Твои люди сегодня же отправятся в Хольмгард. Думаю, не надо учить, что и как им там говорить?

Глава 3
ТРИЗНА
Февраль 866 г. Рюриково Городище

И пришла женщина-старуха, которую называют ангел смерти… она убивает девушек. И я увидел, что она старуха богатырка, здоровенная, мрачная.
Ибн-Фадлан о русах

Целый день слуги и рабы сгребали с вершины холма снег. Начали еще утром, во многолюдстве, чтоб успеть к вечеру пятницы – ибо именно этот день считался лучшим для похорон. На вершине очищенного от снега холма сложили погребальный костер из дубовых и березовых дров – краду. Костер словно бы крал из внешнего мира покойного и положенные вместе с ним вещи, а Рюрика замыслили похоронить не как ютландского конунга, а как владетельного славянского князя, которым, по сути, он давно уже и являлся. На краду, как и положено, вознесли ладью – небольшой корабль в специально сложенный на корме шалаш, усадили покойника, облаченного в белые одежды. По обе руки от умершего князя положили златое оружие – копья, мечи, луки со стрелами, – пищу и питье в золотой и серебряной посуде. Парчовые ромейские ткани устлали днище ладьи, а на мачте взвилось синее знамя – дань традиции викингов. Синий стяг – стяг битвы, вечной битвы в Валгалле, куда попадают все герои и куда наконец попадет и Рюрик, по крайней мере так верили собравшиеся вокруг норманны, многие из которых когда-то стояли вместе с умершим конунгом на борту драккара – «коня волны», «пенителя бурунов», – уверенно разрезавшего серые волны холодного Северного моря.

– Скоро сожгут, – улучив момент, шепнул Хельги Ирландцу. – Дровишки сухие – хорошо гореть будет. Где ж местная знать?

– Вон они, поднимаются, – усмехнулся Ирландец, кивнув на подножие холма. – Первого ты, думаю, знаешь – это Хаснульф, Рюриков воевода. Нам он, наверное, не очень-то интересен, потому как туп, словно дерево.

– Не скажи, – внимательно наблюдая за поднимающимся к погребальному костру толстяком, скривил губы Хельги. – Хоть он и глуп, а дружина ему верит…

Ярл сделал несколько шагов навстречу тучному воеводе:

– Приветствую тебя, о достойнейший Хаснульф! Пусть боги всегда посылают тебе удачу. Клянусь, я подумывал о тебе и раньше, когда еще был жив князь. Хотел позвать тебя к себе, да постеснялся…

– Чего же? – Хаснульф заинтересованно поднял глаза; маленькие, заплывшие жиром, они явно не светились излишком ума.

– Постеснялся оскорбить тебя, предложив возглавить часть войска, ведь такая малая участь разве по чести столь достойному воеводе?

– Вижу, ты не по годам мудр, ярл, – купился на грубую лесть Хаснульф. – Знай, я всегда рад буду быть во главе войска.

– И я подумывал – вот бы оставить славного Хаснульфа, если только…

– Что – «если только»?

– Если люди из Хольмгарда доверят мне править, – совсем тихо произнес ярл, так чтоб услышал лишь воевода.

Воевода услышал и, при подходе остальных, едва успел прикрыть рот, искривившийся в довольной усмешке.

– О людях Хольмгарда поговорим после тризны, ярл, – отходя, шепнул он. Хельги кивнул с самой серьезной миной и обернулся к Ирландцу:

– Ну, говори, кто тут есть кто? Только не очень громко.

– Понял тебя, ярл, – Конхобар подошел ближе. – Тогда начну с самых опасных. Тот высокий старик в белых одеждах, тощий, с крючковатым носом и глазами как у сумасшедшего зайца, – жрец Малибор. Его поддержат волхвы и часть купцов. К тому же он имеет влияние и на черных людей. Хочет сделать князем одного из местных, правда, не знаю пока кого, но это и не так важно. Очень опасный тип, не смотри, что вид у него дурацкий. Однако куда опаснее его старшая сестрица Кармана, ты ее увидишь позже. Вот кто, похоже, в этой парочке главный. За Малибором, чуть в стороне, еще один старец, в черном плаще, видишь?

– Мосластый такой, с длинной седой бородой?

– Да, да. Он и есть. Это Всетислав, боярин из местных. Говорят, поддерживал против Рюрика Вадима Храброго, потом вроде бы помирились… даже внучку свою за Рюрика отдал, младшей женою, однако сейчас не исключено, что начнет мутить воду. А за ним бояре и почти все вече. Кто еще… Те двое бояр в бобровых шапках малоинтересны – наверняка в случае чего поддержат Всетислава, остальные… Честно говоря, про остальных я мало слышал. Все больше рассказывали про Всетислава да про Малибора с Карманой.

– Ладно. – Хельги всмотрелся в собирающуюся на похороны толпу. Бояре, дружинники и прочие знатные и именитые мужи стояли наособицу, со стороны реки. Народец попроще – младшая дружина, купцы, людины – расположился поодаль, вокруг маленьких костерков, сложенных на освобожденной от снега земле правильным концентрическим кругом, центром которого являлась ладья с покойным князем. Часть молодых воинов, обнаженных по пояс, выстроилась в ряд от крады до белого шатра, разбитого чуть поодаль. У шатра с завываниями и клекотом суетился жрец Малибор, словно бы поторапливая кого-то.

– Там, внутри, жрица Кармана и молодая жена, что вскоре последует за умершим мужем, – шепотом пояснил Конхобар.

Хельги-ярл вздрогнул:

– Сестрица Еффинда?!

И тут же улыбнулся собственной глупости – сестрица Еффинда, окруженная служанками, стояла поодаль, в черной, подбитой соболями накидке, и отнюдь не походила на обезумевшую от горя вдову.

– Они сожгут вместе с князем одну из его младших жен, не считая наложниц, – пояснил очевидное Ирландец.

– Младшую, значит? – растягивая слова, повторил ярл. – Но ты сказал, она внучка того боярина, Всетислава… Судя по его виду, он ее любит. Что ж допускает такое? Влияния не хватает?

– Влияния-то, пожалуй, хватает, – усмехнулся Ирландец. – Да как нарушить традицию? Что народ скажет?

– А то, что ему наплетут жрецы, – понимающе кивнул ярл. – Хоть и жаль старому внучку, только тут главное – самому не подставиться. Подставишься – и все, смерть и поругание всему роду. Уж лучше и впрямь пожертвовать внучкой, пусть даже любимой… Однако жаль старика – ишь как убивается.

И в самом деле, по щекам Всетислава катились слезы.

Взвыв особенно громко, волхв Малибор раскорявился перед шатром и распахнул полог.

– Входите! – обернувшись к толпе, возопил он. Трое молодых мужчин, также обнаженных по пояс, вошли в шатер, из которого послышались стоны.

– Прежде чем взойти на костер, она совокупится с ними по очереди, – тихо пояснил Конхобар. – По крайней мере, именно так мне рассказывали недавно… О, вот уже выходят. Быстро!

Из шатра, в сопровождении омерзительного вида старухи – видно, той самой пресловутой жрицы Карманы, – вышла, опираясь на плечи мужчин, белокожая красавица с детским беззащитным лицом и распущенными по плечам волосами. Из всей одежды на ней были лишь золотая пектораль и браслеты.

– Алуша, – пролетел в толпе шепоток. – Жена…

– Алуша, – одними губами произнес боярин Всетислав и, не стесняясь, заплакал.

– Кажется, девчонка не в себе, – присмотрелся к верной супружнице Хельги.

– Ну да, – усмехнулся Ирландец. – Одурманили настойкой мухоморов или еще какой дрянью… Что бы ни говорили, не очень-то охота помирать, только начав жить. Особенно такой смертью.

– Послушай-ка, Конхобар, – понизив голос, Хельги отвел приятеля в сторону. – Я думаю, дров в костре явно не хватит.

– Что тебе до их дров, ярл?

– Наши люди могли бы и поднести дровишек. Заодно и… – Ярл внимательно посмотрел на Ирландца.

– Понял тебя, о хитрейший, – засмеялся в ответ тот. – Только вот где мы раздобудем девку? Ладно, придумаем что-нибудь… Только вот хорошо бы еще этими мухоморами напоить старуху… и тех, кто взойдет на ладью, ну, этих трех воинов, что вышли из шатра.

– Предоставь это мне, Конхобар, – криво улыбнулся ярл. – И займись делом.

– Послушай, ярл! Я не очень-то боюсь гнева богов, но то, что делаешь ты, это… – Не договорив, Ирландец махнул рукой и растворился в толпе простолюдинов.

Не теряя времени, Хельги подошел к Хаснульфу, красный нос которого и частые отлучки кое о чем говорили весьма красноречиво:

– А что, неплохо было бы промочить горло?

– Верно, ярл! – тут же оживился Хаснульф. – Нечего и ждать до заката! Пойдем-ка, есть тут кое-что…

Повернувшись, воевода быстро направился к шатру. Хельги едва поспевал за ним. Обойдя полог, они протиснулись сквозь толпу и приблизились к шатру сзади.

– Погоди-ка… Как орать начнут, влезем.

Они чуть подождали… Ага, вот от крады послышались крики и завывания.

– Вот я вижу своего отца и свою мать! – произнес жалобный девичий голосок, и толпа снова завыла.

– Лезем! – Хаснульф решительно отдернул край полога.

– «А он не такой уж тупой, каким кажется! – с удовлетворением подумал ярл, следуя за воеводой. – И уж, по крайней мере, не трус – это точно!»

В шатре, рядом с ложем и жаровней, покрытой синими догорающими углями, стояло два больших котла из начищенной до золотого сияния бронзы. В котлах плескалось какое-то питье. Не долго думая, Хаснульф схватил валяющийся на ложе корец резного дерева. Зачерпнул и, сделав блаженный глоток, протянул Хельги:

– Пей, ярл! Хороша бражка, пахучая.

– Я уж чую – смердит на весь шатер… А они сюда не ворвутся?

– Не, пока кричат, не ворвутся, ты уж мне поверь, я уж эту братию знаю, – приложив руку к груди, заверил воевода.

Снаружи по-прежнему раздавались крики, кажется, они стали еще громче. И еще громче и как-то потерянно звучал нежный девичий голосок:

– Вижу своего господина сидящим в красивом саду, с ним мужи и отроки. Он зовет меня… Зовет меня… Зовет!

Толпа взвыла в экстазе.

– Все, нам пора, – тронул ярла за рукав Хаснульф. – Сейчас ворвутся… Эй, что ты делаешь?

С холодной усмешкой на устах Хельги вылил остатки пахучей браги в котел с каким-то подозрительным варевом, видно тем, что опаивали несчастную деву.

Они едва успели покинуть шатер, как откинулся полог и внутрь одновременно вошли – а скорей, влетели – волхв Малибор и Кармана. За ним вошли полуобнаженные воины.

– Пейте, вой! – зачерпнула корец Кармана. – Сейчас вам понадобятся силы.

Выпила и сама, скривилась:

– Какой пес смешал напитки? – Потом махнула рукой. – А, теперь все равно…

Пошатываясь, вышла из шатра, прихватив с собою широкий нож и веревки.

А обнаженную деву уже подняли на ладью, провели в устроенный на корме шалаш с покойным князем. Рядом, у мачты, ждали связанные наложницы. Кармана с широким ножом в руках подошла к одной из несчастных дев и уверенным движением всадила нож в сердце. Дернувшись, девушка завалилась на покрытые парчою доски, и в этот момент жрица перерезала ей горло. Подошла к следующей… И тут промахнулась, всадив кинжал в живот. Выгнувшись, наложница закричала от боли.

– Кричи, кричи, дева! – подняв к небу окровавленный нож, возопила Кармана. – Твой господин ждет тебя!

Затем жрица хладнокровно зарезала третью девушку и четвертую… словно баранов или кур, отрезанные головы которых, впрочем, тоже уже валялись в ладье. Рюрик собирался отъезжать в загробный мир пусть и раньше положенного ему времени, зато со всем возможным комфортом.

– Четыре, – пьяно пересчитала мертвых наложниц Кармана. – А Еффинда обещала-то пятерых. Одну, видно, зажилила, курва скупая! Ух, гадина… Однако где ж парни? Эй, вой! Воины! Прекрасная вдова ждет вас в ладье для таинства любви. Помогите же ей предстать перед мужем достойно – радостной и возбужденной!

Трое воинов, обнажившись, взбежали по снегу в ладью. Один по пути запнулся о мачту и чуть было не грохнулся навзничь. Жрица придержала его за локоть:

– Ух, змеи! А я-то думаю – кто вылакал в шатре всю бражку?! Что, не могли подождать немного? У, отродье, чтоб вас взяла Мокошь. Ну, иди же, чего стоишь… Да не на меня пялься, чучело, в шатер иди… Туда, туда, иди же!

Жрица – чернявая, морщинистая, с длинным, похожим на вороний клюв носом и без передних зубов – вытерла окровавленный нож о парчу. Слава богам, несмотря на возраст, силенки еще были. Ну, что там, в шатре, натешились воины? Впрочем, ждать некогда, чай, хоть и оттепель, да зима – вполне и замерзнуть можно.

Прихватив веревку, Кармана решительно вошла в шатер – молодой воин, тот, самый последний, доделывал свое любовное дело. Постанывая, мерно колыхалась дева, на груди ее, маленькой, совсем еще девичьей, позвякивало золотое ожерелье, длинные светлые волосы закрывали лицо. На все это невозмутимо смотрел мертвый Рюрик.

– Ну, хватит, хватит, отползай, – подняв нож, Кармана похлопала воина по ягодицам и взглянула на остальных. – Нате вам веревку. Все, приступаем!

Воины накинули веревку на тонкую шею девушки и по знаку волхвицы принялись разом душить. Несчастная захрипела, выгнулась… Кармана примерилась и несколько раз вонзила ей под ребро нож. Потекла кровь…

– Начинайте, – выйдя из шалаша, Кармана кивнула Малибору. Жрец подал знак – и в краде полыхнуло пламя!

Вообще-то, погребальный костер должен был зажечь близкий родственник мужского пола – за неимением у Рюрика такового (кроме отнюдь не близкого Хельги) перед тризной специально приняли в род сильного молодого парня. Он и зажег краду.

– Се сва оне иде! – отшатнувшись от жаркого пламени, возопил жрец, и воины в такт его словам забили палками о щиты.

– А тут же отверзятся врата она, А войдешь – се есть красен Ирий, А тамо Ра-река тече…

Хельги не особенно прислушивался к словам Малибора, честно говоря, его больше заботил Ирландец. А того что-то совсем не было видно… хотя нет – появился. Как раз уже и начиналась собственно тризна – принесли столы с хмельным и закусками, и молодые воины приготовились к ристалищу.

За дымом погребального костра клонилось к закату солнце – именно за ним и спешил сейчас покойный князь со своими наложницами.

– Не хочешь ли принять участие в тризне, брат мой? – неслышно подошла к Хельги Еффинда, старшая жена Рюрика, а теперь – свободная, как птица, вдовица. Располнела Еффинда за последние годы, однако ж не потеряла былой красоты – лицо по-прежнему было белым, а щеки – румяными, лишь наполнилась округлостью стать.

Улыбнувшись, Хельги взглянул на живот сестрицы.

– Когда родится сын, назови – Ингвар, – тихо сказал он.

– Мы все сделали, как надо, ярл, – подойдя к Хельги, украдкой шепнул Ирландец. – Тем более слуги не управились вовремя с дровишками, все время подтаскивали, так что, выходит, мы и им помогли.

– А где взяли девку?

– Там же, в ладье, – цинично усмехнулся Ирландец. – Наложница, ей так и так умирать. Надели ей на шею ожерелье, волосы на лицо начесали, а ту, настоящую, одели по-быстрому в мужское платье – делов-то! Тем более в этакой-то суматохе… Чу? Кажется, тебя зовут принять участие в тризне, ярл?

– Отлично! – Хельги потер руки.

Ирландец взглянул на него, как на полного идиота.

– Ты что, в самом деле собираешься сражаться с этими опившимися полудурками? – Он кивнул на молодых воинов, уже звеневших мечами по краям догорающего костра.

– Я что, похож на умалишенного берсерка? – оскорбился ярл. – Конечно нет. Сражаться я вовсе не собираюсь, а вот попить пива, меду и браги… Ты видишь, нам уже машет наш друг Хаснульф!

– Воевода Хаснульф – наш друг? – Ирландец восхищенно присвистнул.

– А как же? – расхохотался ярл. – Идем же скорей, он, видно, уже утомился ждать.

– Постой-ка немного, ярл, – подергал губу Ирландец. – Что нам делать с той, настоящей?

– А где она сейчас? Надеюсь, не брошена голой в лесу?

– Нет, мы спрятали ее в твоих покоях и приставили верную стражу.

– И правильно поступили, Конхобар. Вот пусть она там и посидит, в себя придет немного. Тем более что ее безутешный дед, боярин Всетислав, похоже, топит горе в вине. Вот ему в этом и поможем. Заодно поговорим.

Усмехнувшись, ярл потер виски и быстро направился к столам, чувствуя, как кто-то внутри активно не принимает всего происходящего, протестуя против страшной смерти невинных девушек жуткой головной болью.

– Что поделаешь, – сам себе тихо сказал ярл. – Это тризна, и всё равно кто-то обязательно должен был умереть.

Вокруг уже звенели мечи и звучали погребальные речи. Кто-то плакал, кто-то, наоборот, смеялся, в погребальном костре бушевало пламя, и удушливый черный дым закрывал клонившееся к закату солнце.

Глава 4
ГРОМ ГРЕМИТ
Март 866 г. Киев

По всей вероятности, общественные магические действия производили мужчины-волхвы…
Б. А. Рыбаков. Язычество Древней Руси

– Не тот! Не тот! Зря я доверился глупой твари, все перепутавшей, лучше бы послал кого-нибудь. – Князь Дирмунд злобно пнул подвернувшуюся под ногу кошку. Жалобно мяукнув, та юркнула в приоткрытую дверь горницы. Кликнув слугу, Дирмунд велел позвать волхва Вельведа, что давно уже дожидался в гостевой зале.

– Звал, княже? – войдя, низко поклонился волхв – среднего роста, с узким морщинистым лицом и темными маленькими глазками, недобро смотревшими из-под кустистых бровей. Сейчас, правда, глазки излучали полнейшее подобострастие и любовь.

– Звал, звал, Вельвед. – Дирмунд указал вошедшему на лавку. – Наше новое колдовство не вполне удалось, – почесав длинный нос, честно признался он. – Верные люди донесли – на берегу Волхова-реки недавно справили тризну по могучему князю.

Вельвед вскинул глаза:

– Так разве не этого мы и хотели, мой повелитель?

– Нет, – князь усмехнулся. – Тризну справили по князю Рюрику, а недоносок Хельги жив и здравствует. И мы сами, с помощью заклинаний и жертв, расчистили ему дорогу к власти!

– Так, может, стоит попытаться еще раз? – Волхв испытующе взглянул на друида. – Не вышло один раз, выйдет в другой. Снова направить змея…

– Да-да, змея… – задумчиво кивнул Дирмунд. – Я точно знаю – именно от змея примет смерть Хельги, – он вздохнул, – ну, вот послали змея, вытащили колдовством из снегов – и что? Этот безмозглый летучий червяк погубил совсем не того! Ты советуешь попытаться еще раз? Снова словить дев, принести в жертву, снова вызвать змея, направить его – а теперь это будет куда труднее – и что дальше? Вдруг и на этот раз тварь промахнется? Я даже не знаю, может, она вообще уже давно сдохла от холода, ведь мои заклятья не вечны… – Друид помолчал и добавил, подумав: – И не стоит недооценивать Хельги. Я уже сталкивался с ним однажды и не смог убить. Это не говоря о попытках, предпринятых моими людьми, тем же Лейвом и Истомой. Нет, думаю, не просто так промахнулся змей… Хельги силен, очень силен, и сила его все возрастает.

– Неужто никак нельзя с ним справиться? – недоверчиво почмокал губами волхв. – Видал я этого Хельги – варяг как варяг, ничего особенного. Вот дружок его, Конхобар Ирландец, мыслю, куда как хитрее.

– Конхобар? – Дирмунд с горечью рассмеялся. – Да, Конхобар опасен. Проклятый предатель, он был когда-то моим первым помощником, а потом изменил мне.

– И до сих пор жив? – изумился Вельвед.

– Жив до поры до времени. – Друид сверкнул своими черными очами так яростно, что у волхва отпали всяческие сомнения насчет дальнейшей судьбы несчастного Ирландца.

– Погубив Хельги, я достану и отступника Конхобара, – зловещим шепотом произнес Дирмунд. – Никуда он от меня не денется, а смерть его будет страшной. Главное – победить

ярла. Признаюсь, наших способностей не хватило, чтобы его погубить… думаю, он пользуется покровительством Белеса, ведь Велес – бог северных болот и туманов.

– Да, Велес могуч. – Вельвед пошевелил кустистыми бровями. – В ильменских и ладожских землях он может тягаться могуществом с самим громовержцем Перуном, не говоря уже о других богах. И варяжские боги – они ведь тоже с севера. А вот если выманить князя Хельги сюда, к нам?

– Был он уже здесь. И ничего… Хотя, ты прав, могущество северных богов здесь сильно ослабнет. Но ему помогают не только боги, но и некто из далекой земли, которой еще нет.

– Как это – «которой еще нет»? – осмелился переспросить волхв.

Не удостоив его ответом, друид поднялся с резного деревянного кресла и принялся ходить по горнице из угла в угол. Длинный нос его смешно выдавался вперед, рыжеватая редкая бороденка подрагивала в такт шагам, лишь пронзительные черные очи резко контрастировали с затрапезным обликом князя – в них сверились недюжинный ум, коварство и злоба. Друид думал. Выманить Хельги на юг, к восстановленным святилищам древних богов? Да, сила ярла здесь заметно уменьшится, уменьшится и заступа богов… Правда, Хельги уже был здесь, и тогда попытка расправиться с ним не удалась. И все равно, стоит попытаться еще. В конце концов, тогда здесь не было столько волхвов. Заманить Хельги в святилище, снова принести в жертву сто дев, и… И ярл вполне может уйти, словно бы он вообще неуязвим… неуязвим… он… часть его. Да! Друида вдруг осенило. Глаза его вспыхнули темным огнем, тонкие губы растянулись в улыбке. Ну да, как же он раньше не догадался? Ведь какая-то часть ярла, несомненно, находится не в нем самом, а… скажем, в той далекой стране, где пряталась Магн дуль Бресал, отступница Магн, когда-то подававшая большие надежды молодая жрица. И теперь ясно, почему Хельги с такой непоколебимой яростью встал на его пути к власти. Конечно же, это интриги Магн! Надо убрать ее, впрочем – не только ее, но и того, кто стал частью ярла и чье присутствие можно было бы давно угадать, если б только хватило времени немного подумать. Итак, волхв прав – нужно заманить сюда Хельги! Заманить и нанести удар… Два удара! Два одновременных удара, один – здесь, в жертвеннике, а другой… – друид усмехнулся. – Другой – в той далекой стране, куда уже не раз проникало его колдовство и откуда был столь удачно вытащен помощник – недавно погибший Варг. Может, лучше б было оставить его там? Нет, вряд ли он справился бы, тут нужно действовать самому. И не сразу, а тщательно подготовившись.

– Надеюсь, никто не пронюхал про наш новый храм? – обернувшись к Вельведу, резко спросил Друид.

– Что ты, князь, – испуганно замахал руками тот. – Дороги к нему неведомы.

– Тогда скоро принесем новые жертвы. – Дирмунд улыбнулся.

– А вот, боюсь, это не удастся, мой господин, – тихо возразил волхв. – Весна, чай, распутица. Вряд ли мы сможем туда добраться до того, как просохнет земля.

Выслушав его, друид согласно кивнул – о распутице он что-то и не подумал. Да-а… Что ж, выходит, несколько месяцев в году боги будут обходиться без жертв? Тогда как же рассчитывать на их благоволение, и это в то время, когда оно столь нужно? И как посеять в жителях страх? А страх нужен обязательно – ведь только из людей, изведавших всепроникающий страх, получаются хорошие рабы, преданные до глубины души своему господину, которого они боятся и уважают. Человек – животное, и чем сильнее его ударить, тем больше уважения он будет испытывать к бьющему. Но стоит только ослабить хватку – все, пиши пропало, весь авторитет придется восстанавливать снова. Вот как сейчас… Дирмунд вздохнул.

– Пусть волхвы поставят идолов здесь, в Киеве, – неожиданно повелел он.

Вельвед вздрогнул:

– Боюсь, киевляне не примут их, княже!

– Ты не понял меня, волхв. – Дирмунд презрительно прищурил глаза. – Разве жители Киева не поклоняются Перуну, Даждь-богу, Мокоши, да тому же Велесу? Вот и пусть волхвы поставят везде, где можно, идолы Перуну и Мокоши – Грозе и Смерти. А уж кому пойдут жертвы – другой вопрос. Может, и этим достойным богам достанется тоже?! – Друид хрипло рассмеялся. – Пусть волхвы ходят по улицам и пророчествуют о жутких знамениях, предвещающих конец света. Пусть не устают повторять это всегда и везде, и пусть каждый человек знает – спасти гибнущий мир может только кровь! Красная человеческая кровь, которую так любят боги. И пусть так же потихоньку привечают к себе молодых дев. Пусть не шатаются по улицам косматые и немытые, пусть имеют вид добрый и приятный, а речи – медоточивые и обволакивающие, пусть каждая пришедшая к жертвеннику дева почувствует в волхве своего самого лучшего друга! Это тяжело, я знаю. Но когда придет время… Эти девы понадобятся нам уже летом. Ступай же, волхв, и поторопись! И помни – я буду встречаться с тобою лишь иногда – не стоит без нужды дразнить Хаскульда-князя.

– Исполню все, что велел, – уходя, низко поклонился Вельвед.

Друид проводил его взглядом. Кажется, Истома Мозгляк присоветовал ему неплохого помощника – умного, хитрого и, похоже, верного. Впрочем, никогда не стоит слишком доверять людям.

Март-протальник выдался хмурый. То, бывало, с утра выглянет ласковое солнышко, позолотит крыши, а к обеду, глянь, – и уже затянула небо серая хмарь, посыпался мокрый снежок с дождиком, засвистел ветер, бросая в лица прохожих мокрые льдинки, а к вечеру – раз – и тишина, безветрие, и ясное звездное небо с полной золотистой луною. Такой вот март выпал.

Таким вот звездным вечером, почти что уже ночью, девки пряли в горнице, что на постоялом дворе Зверина. Две подружки-хохотушки – Любима и рыжая смешливая Речка, на которую посмотришь – волей-неволею улыбнешься – до чего задорница девка: улыбчивая, яркая, словно пылающее закатом солнце, а уж веснушек – больше, чем колосков в поле!

– Ну, вот, – поправив веретено, продолжала рассказывать Речка. – А другой волхв там – совсем молодой парень, ну, как наш Порубор, даже, может, и помоложе…

– Да помоложе-то – уж совсем дите! – не выдержав, фыркнула Любима.

– А красивый какой, – не слушая ее, мечтательно говорила Речка. – Темненький, но не как Пору-бор, а чуть посветлее, волосы длинные, мягкие, узким ремешочком связаны, глаза нездешние, светлые… Велимором кличут.

– Ты за пряжей-то следи, Речка! – нагнувшись, Любима подняла уроненную подружкой прялку, красивую, с резным изображением солнышка и русалок.

Речка вздохнула и вдруг подсела к подруге близко-близко, заглянула в глаза:

– Любима, а вот скажи без утайки – красивая я… или так, не очень?

– Тьфу ты, – рассмеявшись, Любима обняла подругу. – Ну, конечно, красивая, Реченька, о чем говорить-то? А тебе, видно, понравился тот молодой волхв, о котором рассказываешь, ну, признайся!

Речка зарделась. Круглые щеки ее покраснели и напоминали два наливных августовских яблока. Посмотрев на подружку, Любима снова не выдержала – рассмеялась, да и кто другой выдержал бы, слишком уж смешная была девчонка.

– А мне Ярил нравится, – погладив Речку по волосам, призналась Любима. – Да вот только не хочет батюшка отпускать за него, голь-шмоль, говорит, ни богатства у него, ни представительности. Ну, да богатство дело наживное… Много чего замыслил Ярил, глядишь, что и выйдет – ума-то ему не занимать, ну, да ты и сама знаешь.

– Знаю, – кивнул Речка и, замолчав, принялась сучить пряжу. На губах ее играла мечтательная улыбка.

– Вот, с Порубором в дальнюю дорожку ушли, к Роси-реке, местечко под дворище присматривать, – тихо говорила про суженого Любима. – Скоро уже и вернуться должны, чай, присмотрели.

– А Порубор, что ж, не присмотрел еще себе невесту? – отвлеклась от своих мыслей Речка.

Любима отмахнулась:

– Да рановато ему еще.

– Чего ж рановато? Парень красивый, видный.

– Серьезный он слишком, – пожаловалась Любима. – Сама знаешь, девы таких не очень-то любят. Так, верно, и проживет в бобылях, коли не попадется такая, что силком скрутит.

– Ой, а к нам на волхвование много всяких дев ходит! – всплеснув руками, поведала Речка. – И Сам-вина, кузнеца Панфила дочка, и Радислава с Подола, и многие… Слушай-ка, а давай и ты сходишь! Увидишь, как весело. В пятницу вечерком и пойдем.

– Не выйдет в пятницу-то, – с видимым сожалением отозвалась Любима. – Батюшка не отпустит, в пятницу вечером да в субботу самая работа, народу много – купцы на торжище приедут, людины… Вот если б как-нибудь днем.

Речка расхохоталась вдруг, показывая крупные ослепительно белые зубы:

– Так завтра мы как раз днем собираемся. Не все, правда… Пойдем, а?

– А и сходить, что ли? – Любима задумалась. – Все равно, когда еще Ярил с Порубором вернутся. И чего днями дома сидеть?

– Верно. Так пойдешь?

– Инда пойдем завтра, – наконец решилась Любима. – И в самом-то деле!

Назавтра нарядились девки. Речка – в белую, с вышивкою, рубаху, поверх – варяжский сарафан, темно-синий, сборчатый, заколотый двумя бронзовыми фибулами, начищенными так, что больно глазам, и не скажешь, что бронзовые, – золотые, как есть золотые! Поверх этой одежки накинула шубку бобровую, желтым немецким сукном крытую, на ноги постолы кожаные, обмотки белые, льняные, узким золоченым ремешком перевитые, – ух и дева-краса, пухленькая, толстощекая, а в шубке-то этой еще и шире, чем есть, казалась. Смешная! Любима тоже с утра принарядилась, очаг затопив да слуг пошпыняв для порядку, – видя такое усердие, дедко Зверин уступил, отпустил днем на прогулку, строго-настрого наказав, чтоб ужо к вечеру возвернулась. Еле дождалась подружку дева, все по двору бегала, в ворота выглядывала. А уж Речка-то издали еще рукой замахала, бежала – подпрыгивала:

– Ну, что, отпустил батюшка?

– Отпустил, – обняла подружку Любима. – Сказал, хоть до темноты гулять можно. Ну, идем, что ли?

– Идем! Ух, и красива ж ты, Любимка! – Речка беззлобно ущипнула подружку за бок. Любима засмеялась. И в самом деле, по улице шли – парни встречные шеи свернули. Еще бы! Этакая-то краса – Любима. Волосы воронова крыла из-под шапки бобровой по плечам распущены – старухи пусть плюются, а молодые завидуют. Зеленая туника – узкая шерстяная, до самых пят, поверх – небрежно плащик наброшен, не бобровый, беличий, ветер распахнет полы – вся фигурка видна, вот и посворачивали головы парни, поразевали рты, а кто и в лужу свалился.

– Эй, девы, орешками угостить? – это уж на Подоле, в виду Градка, повстречался молодой парень. Подружки переглянулись, отнекиваться не стали, подставили ладошки:

– Ну, угости.

Парень насыпал орехов, заглянул в глаза Любиме:

– Как хоть звать-то тебя, дева?

– Пафнония, ромейского гостя женка.

– Ой, врешь, поди?

– Да ладно, не верь!

Со смехом девчонки пошли дальше. А солнце, переменчивое весеннее солнце, так и сияло, выпорхнув из-за облачка, снег таял, и в лужах отражалось голубое небо. Мимо проскакал отряд грилей – в кольчугах, на сытых конях, с красными, обитыми по крагам медью щитами. Гриди тоже свернули шеи, а кое-кто и помахал девкам, невзначай пустив коня в лужу.

– Вот ведь, обрызгали, змеи! – погрозила им кулаком Речка.

– Да не сердись ты, день-то какой хороший сегодня!

– И вправду…

– Ну, где твое капище? Небось, за тридевять земель, на Щековице?

– А вот и не угадала! На Подоле, только ближе к Глубочице.

– Тоже не близехонько. Говоришь, весело там?

– Да уж, не грустно.

На самом краю Подола, в березовой рощице, уже собрался народ – все больше молодые девчонки и парни. Посреди небольшой вытоптанной полянки был вкопан украшенный ленточками идол – похоже, Перун, рядом с ним кругом стояли идолы поменьше. Двое одетых в длинные балахоны волхвов – высокий носатый и пухленький, с круглым лицом – периодически воздевая руки к небу, неспешно прохаживались рядом с идолами и что-то вполголоса напевали. Молодежь переговаривалась и смеялась. Кто-то окликнул Речку, та обернулась, помахала рукою…

– Вельвед! – вдруг пролетел в толпе шепоток. – Вельвед-волхв.

Все расступились, давая дорогу приехавшему на гнедом коне волхву – бровастому, морщинистому, с темными, глубоко посаженными глазками-щелочками. В пегую бороду жреца были вплетены алые ленточки. Опираясь на посох с позолоченным навершьем в виде человеческого черепа, Вельвед важно прошествовал к идолам. За ним поспешал красивый юноша, темноволосый и светлоглазый, с большим беглым петухом под мышкой.

– Это и есть твой любимчик? – обернулась к подружке Любима. – Красив, ничего не скажешь.

– Велимор-волхв, – тихо пояснила Речка. – Самый молодой из всех. Смотри, что дальше будет. Сам Вельвед здесь – кудесник изрядный.

Любима с любопытством вытянула шею. Бровастый Вельвед, дойдя наконец до главного идола, повернулся и три раза ударил посохом в снег. Собравшиеся притихли.

– Злые вести принес я вам, люди, – громко возвестил волхв. – Вчера на Подоле родился двухголовый козленок, а еще раньше – телятя о трех главах. Не к добру то, люди, ой, не к добру. Чую, дуют над Киевом черные ветра, шевелят под снегом траву-одолень, задувают под крыши. Зло, зло летит над вашими головами, бойтесь же и паситеся! И травень месяц стоит – видите? – то дождь, то солнце ясное, а то ветра буранные. Никогда такого не было, нынче – есть. Смерть, смерть крыла свои черные растопырила, чуя я ее, чую…

Отбросив в сторону посох, Вельвед упал лицом в снег, завыл, раздирая в кровь щеки:

– Горе нам, горе!

– Горе нам! Горе! – эхом подхватили волхвы. В толпе кто-то завизжал, кто-то заплакал.

– Не бойтеся, люди, – вдруг вскочил на ноги Вельвед. Звякнуло на его морщинистой шее ожерелье из золотых черепов. – Боги хотят жертвы! И будут милостивы, если мы будем их чтить… – Он обернулся к отроку, и тот с поклоном передал ему трепыхающегося белого петуха.

Вельвед вытащил из-за пояса нож:

– Прими же, Перун, нашу жертву! Отрубленная петушиная голова упала в снег, кровь брызнула прямо на идола. Волхвы – и снова кто-то в толпе – громко запели:

Славься, славься, Перун-громовержец!
Славься, славься!

– Славься, славься! – подхватили в толпе, кто-то опять завизжал. Собравшиеся, по знаку волхвов, обряди друг друга за плечи и, ритмично покачиваясь, продолжали петь, все громче и громче:

Славься, славься!
Славься…

Казалось, в небе померкло солнце и весенний день превратился в темный осенний вечер. Не было уже видно ни ясного голубого неба, ни белых веселых облачков, ни березок – один лишь ритмичный мотив:

– Славься, славься!

Вдруг главный жрец, размахнувшись, стукнул порохом по березе. Все замолкли, волхвы – и многие из собравшихся – с рыданиями повалились в снег, терзая себе ногтями лица.

Речка, поглядев вокруг пустыми глазами, тоже сделала попытку упасть… и упала бы, кабы ее не поддержала Любима.

А Вельвед неожиданно бросился бежать прочь и исчез среди берез. К орошенному кровью идолу подошел светлоглазый отрок – Велимор.

– Ой, не плачьте, не рыдайте, люди добрые, – гонким мальчишеским голосом задорно воскликнул он. – Принял громовержец Перун нашу жертву, и тъма-злобище прошла на этот раз стороною. Так возрадуемся ж тому, люди!

Выхватив неизвестно откуда бубен, он забил по нему ладонью, запел, подпрыгивая в ритм песне:

Весна, весна,
Приди к нам, весна!

Подбежал к девкам, схватил крайнюю за руку:

– А ну, в хоровод, девы! А дальше уж пошла потеха! И песни-то пели:

Приди к нам, весна,
С калиною-малиною,
С черною смородиной,
С цветами лазоревыми,
С травушкой-муравушкой!

И через зажженный костер прыгали, и пироги-лепешки ели, пивом да сбитнем запивали! Потом завязали Велимору глаза – тот пошел ловить дев, споткнувшись, растянулся со смехом на снегу…

Речка ткнула подружку рукой:

– Ну, как?

– А вроде и впрямь весело! – откликнулась та. – А начиналось-то как? Вот уж никогда б не подумала…

А мы просо сеяли,
А мы просо сеяли,
Ой, дид-лало, сеяли!

Закружились в пляске девчонки – парней-то не так много и было – запели, заголосили – весело! Потом принялись в корзинах кататься – с горки да на Глубочицу, да по льду – так, что дух захватывало!

Многие поскидывали шубы и шапки, побросали прямо на снег, разрумянились – жарко. Молодой волхв обернулся к Любиме, взял за руку, улыбнулся:

– А ну, наперегонки, во-он до той березы?

– А давай еще и Речку возьмем?

– Речку? Вот ту, рыжую? Давай.

И побежали. И до березины, и вокруг, гонялись друг за другом, покуда не повалились от усталости в снег.

– Придешь еще к нам? – жарко прошептал на ухо Любиме Велимор. – Приходи… с Речкой.

– Попробую, – улыбнулась девушка. Все, что говорил тот страшный волхв, Вельвед, показалось ей кошмарным сном. Ведь сейчас-то было так весело!

Не заметили, как и стемнело.

– Ой, никак вечер уже? – отыскивая глазами подружку, спохватилась Любима. – Эй, Реченька, Речка! Домой пора, батюшка уж, поди, заждался!

– Домой так домой, – подбежав, кинулась ей на шею Речка. – Все равно уж расходятся все.

Горели воткнутые в снег факелы, каждый уходящий подходил к идолам, кланялся и благодарил за веселье.

– Ништо! – широко улыбаясь, кланялись в ответ волхвы – длинный и пухленький. Стоящий чуть поодаль Велимор провожал каждого ласковым словом. – Жду вас, красавицы девы, – почтительным поклоном простился он с Любимой и Речкой. – Обязательно приходите еще. Речка знает – куда.

– Какая хорошая у него улыбка – ясная, добрая, – прошептала на ухо подружке Любима.

– Да… – тихо откликнулась Речка. – И какой он красивый! Велимор, Велиморе…

В черном бархатном небе желтыми искорками сверкали звезды. Рассыпал жаркие искры костер, и стоявшие кругом идолы отбрасывали на снег корявые темные тени.

Выбравшись из берез, Вельвед-волхв пристально оглядел своих и скривил губы в улыбке.

– Неплохо поработали сегодня, – скупо похвалил он. – Однако ты, отроче! – Он с силой ткнул посохом в грудь Велимору. Тот пошатнулся и скривился от боли.

– Ты почто нос воротишь от рыжей? – нехорошо усмехнулся Вельвед. – Плетей захотел, отроче? – Глаза его грозно прищурились.

– Н-нет, – запинаясь, ответил отрок. – Я н-ни-чего…

– Смотри у меня! – погрозил посохом волхв. – Позвал всех, кого надо?

– Позвал, господине.

– Ну, хоть так, – волхв замолчал, обернулся. – .Эти чего ждут? – Он указал на группу парней, переминавшихся с ноги на ногу неподалеку.

– Известно чего – оплаты! – хохотнул круглолицый Кувор. – Кто кричал, кто подпевал, кто приплясывал. Все, как ты велел, господине!

– Ах, да, – Вельвед почесал бороду и прищелкнул пальцами. – Войтигор, проплати. – Он снял с пояса калиту и протянул высокому волхву с длинным носом. Пожаловался:

– Мне бы еще Колимога проверить. Где он, на Подоле?

– На Щековице должен.

– Эх, не близко… Ну, поскакал я. Ты серебришко-то зря не трать, Войтигоре, я ведь проверю, – взгромоздясь на лошадь, на прощанье погрозил посохом он.

Проводив его взглядом, Войтигор подозвал парней:

– Тебе резана, тебе, тебе… а вам – на двоих одна!

– Почто так, волхвоче?

– А невпопад выкрикивали! В следующий раз будете, как надо. Ну, все, что ли? – Он обернулся. – Идем в корчму, брат Куворе? Бражки хлебнем, чай, заработали.

– Идем, – ухмыльнулся Кувор. – Стой. А этот гусь где? Эй, Велимор!

– Тут я, в кусточках, – послышался из-за берез тоненький жалобный голос. – Живот прихватило.

– От страха, верно! – Войтигор засмеялся. – Эвон как плетей испугался. А и поделом – не гневи Вельведа, что скажет, то и сполняй!

– Да я ж и сполняю… – глухо ответили из темноты.

Не вернулись Ярил с Порубором и к пятнице. Напрасно все глаза проглядела Любима – не покажется ли за воротами суженый? Нет, не показался. Сам Зверин головою качал, на дочку глядючи. Не выдержал, послал ближе к полудню на торг – пущай дщерь проветрится, инда извелась вся.

– Паволоки купи себе на рубаху летнюю, да замок на амбар новый, – отсчитывая серебряные дирхемы, строго напутствовал Зверин. – Калитой зря не сверкай, да до темна не шатайся, народишко на торгу разный ходит – татей хватает.

– Ужо не беспокойся, батюшка, – уходя, поклонилась дева, поплотней запахнула платок – небо-то не как вчера – хмурилось, вот-вот заплачет дождем, а то и мокрым снегом.

Выйдя на улицу – грязи-то! – Любима повернула рыло назад, спросить у батюшки лошадь, да встретила подружку-веселушку, рыжую Речку. Та заулыбалась, замахала рукою, подбежав, обняла:

– Куда ж, подруженька, путь держишь? Али батюшка к нам отпустил?

– Не, не отпустил, – Любима грустно улыбнулась. – На торг послал, за замком да паволоками. Дома-то сидючи, уж извелась вся – что-то не идут наши, не случилось ли с ними чего?

– Не журись, подруженька, дорожка-то у них дальняя… А давай-ко и я с тобой на торг загляну?

– Давай! – обрадовалась Любима. – Вместе-то все веселее.

Обойдя глубокую лужу, свернули к Подолу, чуть поднялись ко Градку, прошлись мосточком, спустились – во-он он, Подол, далеко тянется! Маячат крышами дома-усадебки, с садами, амбарами, хлевами. По левую руку, чуть ближе к Глубочице-речке – кузницы, кажется по всему Подолу наковален звон слышен. С правой стороны, на высоком холме – укрепленный град – детинец с высокой стеной, с башнями, из крепких бревен сложенными. Перед стеною ров – перекинут узенький мостик, в случае чего раз – и нет его. От рва почти до пристани, через весь Подол, вал – не от врага, от пожаров. Пожар – дело страшное, не убежишь от него, не скроешься, оглянуться не успеешь, как все, что рук не покладая копил, в прах обернется. Потому и боялись пожара, особенно коли лето стояло в сухости. Для того и на торжище колодцы выкопаны. Мимо них-то и прошли девы, отгоняя назойливых сбитенщиков да лепешечников – и без того сыты.

– Вона, замочники, – указала пальцем Речка. – За стремянниками да копейщиками.

– Сама знаю, что за копейщиками. Туда и идем… Эй, господине, замки добрые есть ли?

– Как не быть, краса-дева? Тебе для чего замок-то? Поди, для амбара?

– Угадал, для амбара.

– Ну, вот этот бери, не пожалеешь. – Кузнец или его помощник вытащил из груды лежавших на деревянном прилавке-рядке замков один, щелкнул по нему ногтем. Звонко зазвенело железо, словно колокол в храме распятого бога, что сложили не так давно на Подоле ромейские купцы-гости.

– Беру, – кивнула Любима, не глядя. Ткнула в бок засмотревшуюся на мониста Речку. – Пошли, нам еще паволоки купить надо.

Купили и паволоки у сурожца, светло-зеленые, голубые, розовые. Любима взглянула в небо – хоть и смурно, да до темна еще далеко вроде. А тут и Речка:

– А пошли-кось в одно место сходим. Ну, куда в тот раз волхвы звали.

– Да, весело тогда было, – улыбнулась Любима. – Можно бы и зайти, время есть. А куда они звали?

– Да недалеко тут, почти что пристани изба.

– Ого! Хорошо хоть не на Щековицу. Что ж, идем поглядим… А не рано?

– Да не рано, – беспечно махнула рукою Речка. – Там, когда ни приди, завсегда рады.

Их и вправду встретили радушно – чуть ли на шею не кинулись. Кроме уже знакомых волхвов – носатого с кругломордым и отрока Велимора – в просторной избе находился еще и высокий жилистый старик с густой бородой и какими-то бесцветными, глубоко посаженными глазами. На шее старика болталось ожерелье из высушенных змеиных голов.

– Это наш старший, Колимог-волхв, – нагнувшись, шепнул Велимор, и, по-девчачьи поправив волосы, предложил: – Да вы раздевайтесь, – он предупредительно вытянул вперед руки, – и не стойте в дверях, проходите в горницу.

Гостьи переглянулись, хихикнули – в горницу так в горницу.

В горнице – довольно просторной для обычного глинобитного дома – дымился сложенный в углу очаг. В подвешенном над очагом котле шипело-булькало варево, и синий дым, клубясь, поднимался к волоковой дыре в крыше. Потрескивая и чадя, горели два светильника по углам, прыгали по стенам угловатые тени. Полумрак, широкие лавки вдоль стен, застланные мягкими шкурами… не слишком ли мягкими? Что-то на миг насторожило вдруг Любиму – то ли эти широкие лавки, то ли странный запах варева в котле, то ли медоточивые улыбки волхвов. Уйти отсюда, что ли? Да нет, Речке вроде бы нравится – вон как ухлестывает за ней Велимор-отрок. То прижмется как бы невзначай, то заглянет в глаза, то по руке погладит. А Речка аж вся млеет. Эх, дева, дева… Немного погодя появились и другие гости, тоже все молодые девчонки. Заходили запросто, бросали на лавку шубы, кивали волхвам, как старым знакомым, переглядывались, шептались о чем-то, смеялись – обычные посиделки. И что с того, что кругом волхвы?

В горнице быстро стало жарко, запахло сладкими благовониями – Любима даже хотела попросить кого-нибудь из хозяев распахнуть дверь… Однако увидала, как молодой волхв, наоборот, вставил в пазы засов.

– Испейте, гостюшки дорогие! – Велимор с поклоном и улыбкой на устах поставил прямо на глинобитный пол большие деревянные кружки.

Гостьи выпили почти разом, правда, Любима лишь пригубила – кто знает почему? Наверное, вспомнила слащавые улыбки волхвов?

На середину горницы вышел молодой волхв Велимор, пригладив волосы, в руке бубен:

Аще песенны сказания
О Перуне-громовержце,
О Мокоши – сырой земле!

– О Мокоши – сырой-земле! – вслед за остальными волхвами хором повторили все.

– Плывет по небу лыбедь-птица, – продолжал отрок.

По небу лазоревому, тучами убранному,
А с тучи той бьет сине молния!

– Бьет сине молния! – повторили волхвы.

Старец со змеиным ожерельем пристально оглядел девок и незаметно для них подмигнул Велимору. Тот, кивнув, поднял вверх бубен. Заколотил, заколошматил все чаще и чаще:

– Бом-бом! Бом-бом!

– Гром гремит! Гром гремит! – зачастили волхвы. – Бом-бом!

– Аще счастливицы девы! В пляс! В пляс!

– Бом-бом!

– Гром гремит! В пляс, в пляс!

Словно притянутые невидимой нитью, девушки повскакали с лавок и закружили по горнице, едва не сбив с ног успевшего отскочить к очагу отрока.

– Гром гремит! Гром гремит!

Положив руки друг другу на плечи, все чаще покачивались девы в такт ударам бубнов. Глаза их – васильковые, зеленые, карие – закатывались, на губах у многих выступила белая пена.

– Гром гремит! Гром гремит! Летит лыбедь-птица!

– Пора! – Старый волхв Колимог ткнул под ребро юного жреца Велимора. Тот кивнул и, подхватив бубен, ворвался в середину девичьего круга.

– Гром гремит! Гром! Гром! – изгибаясь, заорал Велимор, забил в бубен, со лба его, умащенного благовониями, полетели капли тяжелого пота.

– Летит лыбедь-птица! Летит! – забыв обо всем, тянули к ему руки девы.

А молодой волхв вертелся все быстрее и быстрее, увлекая за собой хоровод дев. Старый Колимог бросил в очаг пахучие травы – повалил густой зелено-синий дым, в углах погасли светильники. Сразу же сделалось темно, как в пещере, лишь, отражаясь в девичьих глазах, мерцало в очаге зеленое пламя. Кружившиеся в экстазе девушки, казалось, уже не помнили ничего – лишь бы быть здесь, лишь бы вдыхать благовония, лишь бы касаться юного тела жреца.

– Гром! Гром! – надрывался тот, извиваясь.

– Летит! Летит птица! – протягивая руки, кричали девы. Кто-то уже скинул с себя тунику, обнажив стройное, мокрое от пота тело. Примеру одной последовали и другие, правда, не все – оставалась в одежде рыжая Речка, еще несколько девушек в углу и Любима, ощутившая вдруг, как кто-то резким движением разорвал у нее на спине тунику вместе с рубашкой. Обнажились смуглые плечи, чьи-то старческие руки, больно стиснув грудь, зашарили под одеждой.

– Гром! Гром! – катаясь по полу, визжал Велимор. Обнаженные девы бросились к нему… А Любима, нагнувшись, схватила с полу тяжелую кружку и что есть силы огрела ею охальника. Обернулась…

Держась за голову, старец со змеиным ожерельем тяжело повалился на лавку.

– Бежим, Речка! – Придерживая спадающую с плеч тунику, Любима схватила подругу за руку и бросилась к двери. С ходу вышибла засов, оттолкнув плечом носатого волхва – тот, словно пушинка, полетел в угол.

– Бежим! – Любима вытолкала на улицу Речку. Следом за ней выскочили еще несколько девушек из тех, что жались в углу.

Уже давно стемнело, и над крышами изб мерцали звезды.

– Держите одежку, девы! – кто-то из выбежавших выбросил на двор охапку шуб и плащей.

Быстро одевшись, девушки со всех ног бросились прочь. Странно, но никто за ними не гнался. Юному жрецу Велимору было не до того, старец Колимог, стеная, валялся на лавке, ушибленный тяжелой кружкой, а двое других волхвов – Войтигор с Кувором – покуда сообразили, покуда выбежали во двор…

– Ищи их теперь, свищи, – зачем-то понюхав воздух, резонно произнес Войтигор.

– Хватит в темень таращиться, – Кувор похлопал его по плечу. – Все одно не догоним, а Вельвед, думаю, и не прознает. Пошли-ка лучше в избу – чай, есть еще там, кем поживиться!

– И правда, брате! – Волхвы переглянулись и с глумливым смехом направились обратно в избу. А там уж начиналась настоящая свистопляска…

– Во, явились наконец! – Дедко Зверин, узрев входящих в залу дев, с силой ухнул об пол ухватом. Воспросил грозно: – Ну, где шлялись?

– Не ругайся, батюшка! – с плачем бросилась к нему Любима. Следом за ней, зарыдав, упала на колени и Речка:

– Не гневайся!

– Я-то не гневаюсь, – криво усмехнулся Зверин. – Эвон, кое-кто упарился уже вас дожидаться! – Он кивнул на скамью, где, удивленно глядя на ревущих девчонок, сидели трое – Порубор, Ярил и Вятша.

– Здоровы будьте, девы! – покачал головой Ярил. – И прям, где были-то?

– Где гром гремит, – с нервным смешком махнула рукой Любима.

Глава 5
АЛУША
Март 866 г. Новгород

Новгородская история конца девятого – начала одиннадцатого века освещена источниками чрезвычайно слабо, тускло. Единичные и обрывочные сведения летописей… известные наперечет, упоминания скандинавских саг о столице Северной Руси, именуемой Хольмгард, добытые в последние десятилетия не столь уж и обильные археологические данные… Поэтому многое из его истории (если не вся история) остается в сфере предположений и догадок. Проделаем и мы свой путь по этой зыбкой почве.
И. Я. Фроянов. Мятежный Новгород

На левом берегу седого Волхова привольно раскинулись огороженные высокой деревянной стеною усадьбы Нового Города. Все улицы, часть которых – еще только часть – вымощена положенными на коровьи челюсти бревнами, спускались к торговой площади, к реке, к пристаням-вымолам, параллельно речным ворам весь город пересекала на пробой длинная улица, которая так и называлась – Пробойная, на ней, близ Торга, селились богатые купцы и бояре, все на левом берегу. На правом же пока лишь только ветер шумел, да чуть вверх по реке, ближе к Ильмень-озеру, возвышалась на крутом холме крепость покойного Рюрика, омываемая водами трех рек – Волхова, Волховца и Жилотуга. Внизу, у холма, далеко выдавался мыс, образуя удобную гавань с причалами для ладей. Там же стояли длинные приземистые амбары для хранения сетей, стойла для скота, глинобитные печи для выпечки хлебов и лепешек. Над всем этим гордо возвышалась крепость, именно к ней – а не к Новгороду – больше подходило название Хольмгард – «Город на острове». Именно там, за крепостными стенами, жили дружинники и лучшие люди князя.

Поднявшись на квадратную башню, Хельги-ярл внимательно посмотрел в сторону Нового Города – именно оттуда он каждый день ждал вестей, а они все не приходили. Что-то не ездили на санях-волокушах торговцы по санному речному пути и не возвращались соглядатаи, посланные Ирландцем, – может, опасались за крепость льда? Да нет, не время еще в марте-месяце вскрываться северным рекам, не время. Чего ж не едет никто?

Ярл вздохнул – кажется, он знал причину. Все решалось сейчас не здесь, в крепости Рюрика, а там, в набиравшем силу Новгороде – городе бояр и купцов. Еще совсем недавно побаивавшиеся Рюрика, видно, теперь они решили, что настал тот заветный час, когда можно вручить власть своему человеку – и этот человек у каждой группы был свой. Одни хотели одного, другие – другого, остальные – третьего, некоторые вообще ничего не хотели, кроме как, пользуясь безвластием, половить рыбку в мутной воде, как было уже не так и давно и закончилось призванием Рюрика. Нет, не нужна сейчас смута, выгодна она лишь Киеву, вернее – Дирмунду-князю. Кстати, странная смерть Рюрика – не на его ли черной совести? Три дня назад Хельги отослал часть своих людей обратно в Ладогу, передав с ними тайный приказ молодому тиуну Найдену – тщательно разобраться во всех обстоятельствах гибели Рюрика. Ярл был уверен – Найден выяснит все, что только возможно. Пока же главные дела вершились вовсе не в Ладоге. Здесь именно в этот момент решалась судьба северных земель Руси! Погрязнут ли они в усобицах или укрепятся под властью сильного и авторитетного князя – другого пути просто не было. Хельги еще раз приложил ладонь к глазам – небо хоть и хмурилось, да сквозь ватные разрывы облаков нет-нет да и прогляды-

вало солнце. Дни стояли хорошие, теплые, правда, иногда дождило – но это все же лучше, чем мороз или вьюга. Снизу, с подножия холма, потянулись к небу дымы – хлебопеки затапливали свои печи.

– Князь! – Ярл обернулся на зов.

Позади него стоял старый слуга Рюрика. Лицо его было красным, дыхание – тяжелым и частым, видно, бежал. Как же его звали? Кажется, Стивор.

– Князь, по твоим покоям кто-то ходит! – с поклоном промолвил старик. – Я хорошо слышал чьи-то осторожные шаги. Хотел послать гридей, да решил сначала сообщить тебе.

– Ты верно решил, Стивор, – кивнул Хельги. – Я сам во всем разберусь.

– Не нужна ли помощь?

– Ты предлагаешь помощь мне, сыну племени фьордов?

– О, не гневайся, светлый княже! – Слуга со стоком повалился на колени.

Ярл положил ему руки на плечи:

– Встань, старик! Иди лучше к Еффинде, вдове и моей сестрице. Думаю, она больше нуждается в помощи, нежели я.

Поклонившись, слуга поднялся на ноги и с неожиданным проворством спустился вниз. Немного подождав, Хельги направился следом.

На княжьей усадьбе челядь встречала его почтительными поклонами, похоже, для этих людей уже давно стало ясно – кто будет князем. Ярл усмехнулся и, помахав рукою мелькнувшей на крытой галерее закутанной в глухой платок сестре, резко повернул к Рюриковым покоям – высокой просторной избе на подклети. Быстро поднявшись по крутым ступенькам крыльца, Хельги три раза топнул ногами – будто бы сбивая снег, и, кашлянув, отворил дверь.

– Не бойся, Алуша, это я, – тихо сказал он, тщательно запирая дверь на засов.

– А я услышала твой голос, князь, – выходя из-за печки, засмеялась дева. Одетая в мужское платье – узкие порты и тунику, с подстриженными, смешно торчавшими волосами и маленькой, едва угадывавшейся под просторной одежкой грудью, она напоминала мальчишку с ярко-голубыми глазами, родинкой на левой щеке и длинными, загнутыми кверху ресницами.

– Долго мне еще скрываться? – уселась она на лавку, и ярл засмеялся – такие вопросы и смех – это хороший знак, девчонка явно оклемалась после всей той мерзости, что происходила на тризне. Первое время она вообще не могла понять, что происходит, и почему-то принимала Хельги за дух умершего мужа.

– Я жду вестников, – улыбнулся ярл. – Как только они прибудут, поверь, твое вынужденное заточение кончится. Слава богам, ты уже больше не плачешь!

– Я уже выплакала все слезы, – прошептала Алуша. – И не знаю, что со мной будет дальше. Куда я пойду? И кому нужна?

Хельги ласково потрепал ее рукою по волосам:

– Дальше у тебя будет долгая и, я надеюсь, счастливая жизнь с новым мужем и с новым именем. Вот мужу-то ты и будешь нужна, да еще своему деду, боярину Всетиславу.

– Дед любит меня, – задумчиво кивнула Алуша. – Но я очень боюсь гнева богов – ведь я обманула их.

– Не бойся, – рассмеялся ярл, – ведь богов обманула не ты, а я и мои люди, а это такие лиходеи, что плюют на любых богов…

– Все равно, – покачала головой девушка. – Ведь то, что я совершила… Я даже не знаю, смогу ли жить?

– Ладно, не переживай раньше времени. Лучше подумай, как тебе обрадуется дед!

В дверь неожиданно застучали. Хельги вздрогнул и громко спросил – кто?

– Вернулись люди из Новгорода, ярл! Услыхав голос Ирландца, ярл быстро отодвинул засов:

– Входи.

– Я могу говорить свободно? – войдя, осмотрелся Ирландец. Увидев прятавшуюся в углу, за круглой печью, девушку, неожиданно подмигнул ей и показал язык.

– Говори, – Хельги засмеялся. – Только по-норвежски. Вряд ли дева поймет что-нибудь из нашей беседы.

– И то верно. – Сняв шапку и плащ, Конхобар уселся на лавку. Узкое, чуть желтоватое лицо его прямо-таки светилось важностью. Ярл протянул ему серебряный кубок с элем:

– Испей. Вижу, наш человек принес важные вести.

Ирландец кивнул, вытер губы рукавом зеленой туники и не торопясь поведал о том, что происходило в Новгороде сразу же после смерти Рюрика.

Интриги начались, когда еще не успели угаснуть угли погребальной крады. Волхв Малибор и Кармана, не прельстившись дармовым пивом, спешно покинули крепость уже на следующий же день и, вернувшись в город, тут же принялись мутить воду. Уже к обеду на торгу и на пристани, на всех городских площадях и улицах появились какие-то бабки-прорицательницы, песнопевцы-слепцы, кудесники, брызжущие слюной. Все в один голос твердили, что велением богов новым князем должен стать Квакуш – внебрачный сын Малибора, прижитый, дескать, от какой-то таинственной девы из рода давно умершего князя Гостомысла, дочь которого, Умила, приходилась матерью Рюрику. Да и сам Малибор – как, кстати, тут же и выяснилось – тоже происходит из древнего и почтенного рода, родственного Гостомыслу и Вадиму Храброму. Так что для волхвов все складывалось как нельзя удачно, не считая того факта, что Квакуш был больной на голову, о чем все в Новгороде хорошо знали. И знали, кто будет править от его имени. Это вполне устраивало волхвов, таким образом укреплявших свою власть и влияние – Малибор с Карманой опирались в основном именно на купцов из не особо богатых и какую-то часть бояр, привлеченных возможностью поживиться по велению богов общинными землями. Что боги повелят именно так, их в этом заверили Малибор и Кармана. Все волхвы, сказители, гадалки – в общем, весь «административно-психологический ресурс», все, так сказать масс-медиа были брошены на агитацию простолюдинов, составлявших большинство из мужиков-вечников. В этих волхвах, кудесниках и гадалках, в их громком декларировании близости к богам и состояла главная сила клана Малибора – Карманы. Слабостью же их неожиданно оказались деньги.

– Даже не всем волхвам заплатили, остальные же и близко не видали ни кун, ни гривн, ни резан, – засмеялся Ирландец и попросил, если возможно, плеснуть ему еще пива.

– Возможно, – улыбнулся Хельги. – Налей нам, Алуша! И себя не забудь тоже.

Опростав кубок, Конхобар продолжил свой рассказ дальше.

Другой влиятельный клан группировался, как правильно угадали ярл и Ирландец, вокруг боярина Всетислава. Богатые купцы, бояре, даже ушкуйники – разбойный люд, чем-то родственный викингам по укладу жизни, – в общем, все люди, не стесненные в средствах, хотели видеть правителем человека, который мог бы обеспечить их интересы и выгоду – навести порядок в окрестных лесах и на речных волоках, не допускать порчи монеты и обеспечить выход к богатым южным странам, в первую очередь – к могущественной Империи ромеев. А для этого нужно было подчинить себе Киев – ключевой город на пути из варяг в греки, что могло быть по плечу только сильному князю с многочисленной и мощной дружиной. По сути, клану боярина Всетислава было все равно, кто станет княжить, варяг или славянин, лишь бы он смог обеспечить их интересы.

– Волхв Малибор несколько раз тайно встречался с боярами, – понизив голос, доложил Ирландец. – О чем именно говорили – выяснить не удалось.

– Да что тут выяснять, догадаться можно, – пожал плечами ярл. – Наверняка Малибор обещал боярам немедленный поход на Царьград и помощь богов, что немаловажно – нельзя забывать, что может совершить искренняя вера! Волхвы вполне могут уговорить самых вли-

ятельных бояр – и чаша весов качнется в их сторону. А после победы, я думаю, с ними обязательно снюхается Дирмунд! Как говорят местные – рыбак рыбака…

Конхобар вздрогнул.

– Я тоже думал об этом, – тихо признался он.

– Надо проверить, не привезли ли волхвам серебро с юга.

– Ну, это вряд ли, – усмехнулся Ирландец. – Просто-напросто не успеют, реки-то еще во льдах, а зимние пути подрастаяли. Хотя если все затянется… Да, этот вопрос нельзя упускать из виду.

Хельги-ярл задумчиво уставился в стену. Он не мог себе позволить проиграть в битве за власть, и вовсе не потому, что, как и всякий викинг, так хотел властвовать. Вернее, не только поэтому. От него, именно от него, зависело сейчас – будет ли Серверная Русь богатой и процветающей или сверзится в пучину усобиц и братоубийственных войн, а то и еще похуже – станет легкой добычей наползающего с юга Зла, ведь черный друид не преминет стакнуться с волхвами. Сакральное колдовское государство во главе с друидами и волхвами, спаянное жестоким террором и кровью, – бред? А ведь вполне может сложиться! И чтобы не допустить этого, нужно стать властелином Руси, путь даже пока только Северной.

Улыбнувшись, Хельги повернулся к Ирландцу:

– Поблагодари верных людей, Конхобар.

– Уже, – кивнул тот.

– Тогда теперь – наш черед. Пусть наши люди сегодня же возвращаются в Новгород к Всетиславу и передадут просьбу Хаснульфа о встрече…

– Хаснульфа?

– Да, да! Дружина Рюрика – это третья сила. И бояре должны склониться к ней, а не к волхвам. В конце концов, они же должны понимать, что дружина – и только дружина – может гарантировать порядок и походы в Империю. Вряд ли Малибор и Кармана так уж успели задурить всем головы.

– Но Хаснульф… – Конхобар немного помолчал и резко вскинул глаза. – А он сам не желает ли стать князем?

– Ума не хватит, – громко рассмеялся Хельги. – Если б можно было обойтись одной лишь грубой силой, я не сомневаюсь, что воевода поступил бы именно так! Я даже толковал с ним на эту тему… Дескать, захватить власть – полдела, надо еще суметь ее удержать, а это – расчеты, интриги, серебро… В общем, Хаснульф, – хоть и не ума палата, а сообразил, что в князья ему лезть не стоит. Быть воеводой – вполне почетная должность, но, при известном раскладе, можно ее и лишиться. Кстати, почему к Хаснульфу не подбивали клинья волхвы?

– Боятся, что их не поддержит дружина, в ней много норманнов. Что им чужие боги?

– Но ведь Рюрик был погребен по местному обряду! – Хельги с силой стукнул ладонью по столу, так что подпрыгнули кубки. – Не верю я, что волхвы не будут пытаться… Не сейчас, так позже. Надо уберечь от них дружину, Конхобар! Дружину… и Хаснульфа. – Ярл вскочил с лавки. – Действовать! Немедленно действовать!

Не прошло и пары часов, как верные люди ярла были отправлены Конхобаром в Новгород. Они шли на лыжах по льду Волхова – расстояние до города было невелико. По обе стороны реки вздымались плоские сопки, поросшие сосной, березой и елью, на склонах холмов и у подножия виднелись заросли ольхи и ракиты, перемежаемые в оврагах орешником и малиной. Тусклое серое небо, казалось, прижимало кусты к земле, покрытой слежавшимся голубоватым снегом. Посланцы ярла ходко шли по накатанному санному следу и вскоре превратились в едва заметные черные точки.

Выйдя из ворот крепости, к хлебопекам неспешно спускался молодой парень – слуга – простоволосый, с редковатой бородкою и красноватыми, слезящимися от какой-то болезни

глазами. Овчинный полушубок, онучи, натянутый на самые глаза треух, мешок за плечами – парень ничем особенным не выделялся средь прочих слуг, только на груди, под рубахою, висела отрубленная куриная лапа – знак, врученный волхвом Малибором. Спустившись по склонам к давно уже топившимся печам, он, опершись на плетень, некоторое время смотрел, как, переворачивая лепешки, ловко орудуют длинными лопатами хлебопеки, потом отошел чуть в сторону, оглянулся и ухватил за рукав стоявшего в группе дожидающихся хлебов слуг парнишку:

– Здрав будь, Микул.

– И ты, Онгузе…

– По здорову ли матушка? Как зуб-то, прошел?

– Да хвала богам, ничего. Прошел зуб, не болит боле.

– Помогла, значит, травушка-то?

– Помогла. Век тебя благодарить буду! – Не меня, – Онгуз понизил голос, – Малибора-кудесника благодари – его травка. – Помолчав, парень оглянулся по сторонам. – Есть у меня дело к тебе, Микул.

– Говори, все исполню.

– Хлебы не отнесешь ли в дом господина моего, Хаснульфа-воеводы? Я подзадержусь маленько, хочу силки проверить. Для себя ставил, не для воеводы. Ты, ежели кто наверху будет спрашивать, скажи – где-то у печей хаживал Онгуз, да, видно, подзадержался.

– Сполню.

– На вот, возьми-ка мешок. Опосля заходи на зайчатинку.

– Зайду, Онгузе.

Простившись с Микулом, Онгуз быстро пошел вдоль реки, к ольховым зарослям, оказавшись у которых снова оглянулся и, не заметив ничего подозрительного, вытащил из сугроба заранее припрятанные лыжи. Выйдя на середину реки, встал на санный путь, оттолкнулся… и вскоре уже подъезжал к новгородской пристани. Обойдя торчащий изо льда и снега вымол, сложенный из толстых серых бревен, поднялся к открытым воротам.

– На торг, человече? – спросил его вооруженный копьем стражник.

– На торг, на торг, господине, – растянув губы в улыбке, закивал Онгуз. – Хаснульф-воевода послал…

– Ну, проходи, проходи, не стой, – Стражник разочарованно отвернулся. Связываться с воеводскими слугами – себе дороже.

Пошатавшись по широкой торговой площади, на которую выходило сразу несколько улиц, Онгуз подошел к одному из дальних рядков, поманил пальцем мелкого востроносенького торговца. Тот кивнул и, попросив соседа присмотреть за товаром – глиняными свистульками, игрушками и прочей мелочью, – отошел в сторону.

– Мир тебе, дядько Крыж.

– И тебе тако же. Чего звал?

– Хозяину передай – варяг Хельги живет в избе с каким-то молодым парнем, кто такой – не знаю, может, слуга, может – так, для утехи. Окромя того, есть у варягов в городе соглядатаи. Соглядатаи эти сегодня с утра пришли в градец и сразу же ушли обратно, да быстрехонько. Видать, поручено им что-то важное.

Один такой краснолицый, длинный, в полушубке нагольном, другой усатый, третий – с бородой рыжей.

– Мало ль в городе усатых, краснолицых да рыжих? – засмеялся торговец. – Ладно, передам. К кому ходят, не ведаешь ли?

– Покуда не ведаю. Вечерком служек порасспрошу. И вот что, – Онгуз замялся. – Мне б зайчатинки прикупить незадорого. Не знаешь, торгует кто ль подешевше?

– Зайчатинки, говоришь? – Крыж улыбнулся. – Эвон, к тому рядку пойди, Сарка-охотника спросишь, скажешь, что от меня, он цену и скинет.

– Вот и славно! А есть зайчатина-то у него?

– Как не быть, друже!

Вечер навалился внезапно, не как всегда, почти без сумерек. Просто с обеда еще собралась на юге, у Ильменя, густая клочковатая синь, да, быстро расширяясь, поглотила все небо. И так-то пасмурно было, а тут и совсем стемнело, тихо так стало, страшно, как бывает в затишье перед бурей. Буря, правда, слава богам, не разразилась, но снег пошел, повалил густыми пушистыми хлопьями, словно вернулась зима. И то сказать, март хоть и протальник, да на севере – месяц зимний. На улице стемнело, хотя вроде и было-то не так поздно, подзадержавшиеся хлебопеки, косясь на нависшую над головами тучу, быстро поднимались к малым воротам. Пропустив их, молодой страж потянул на себя тяжелую створку.

– Эй, эй, паря! – заголосил выбежавший из ольховых зарослей человек, в котором стражник признал одного из местных служек. Прикрикнул недовольно, чтоб пошевеливался.

– Да бегу, бегу я, – взобрался к воротам слуга и, переведя дух, вытер слезящиеся глаза. – Уф, успел.

– Проходи, проходи, не стой тут, – поторопил страж, закрывая ворота.

– Иду… Силки проверял, думал – возьму зайчика, так нет – шиш, – расстроенно развел руками служка. – Что ж, придется теперь уж пустых щец похлебать.

– Ага, пустых, как же, – буркнул ему вслед воин. – Нешто тебе мало от боярина достается?

Пройдя от ворот к усадьбам, слуга юркнул в одну из курных избенок.

Растянувшись на лавке, накрытой медвежьей шкурой, Хельги-ярл привычно подложил под голову скатанный плащ. В дальнем углу, у пышущей жаром печки, тихо посапывала Алуша. Слава богам, хоть больше не плакала, видно, и впрямь оклемалась, не как в прошлые ночи – одни рыдания да стоны. Эх, дева, дева… Ничего, кончатся скоро твои страдания!

Довольно улыбнувшись, Хельги перевернулся на бок. Как и всякий викинг в чужой стороне, он спал не раздеваясь, положив по правую руку меч. Тихо было в избе, лишь потрескивали в круглой печке дрова, только снаружи что-то скребло по крыше – то ли ветки, то ли ночная птица.

Алуша у печки заворочалась, застонала и вдруг вскочила с ложа – растрепанная, в широкой мужской рубахе – и, закрыв руками лицо, застонала.

– Что такое? – встрепенулся ярл. – Аль приснилось чего?

– Мне страшно, княже… – прошептала девушка. – Чу! Скребет кто-то по крыше когтистой лапой! Не посланец ли обманутых нами богов?

Пробежав босиком по полу, девчонка, дрожа, уселась на лавку ярла. Хельги ласково погладил ее по спине:

– Ну, не дрожи, что ты… Я ж с тобою, верно?

– Так-то оно так, – тихо отозвалась Алуша. – Да все равно страшно. – Она испуганно покосилась на дверь. – Кажется, будто там стоит кто-то…

– Кто же там может стоять? – рассмеялся ярл. Встав, отодвинул засов, выглянул наружу.– Нету тут никого! Хочешь, сама посмотри?

Девушка подбежала к двери, выглянула:

– И в самом деле, нет… Давай вожжем светильник?

Клацнуло огниво. Разгоняя темноту, вспыхнуло желтое дрожащее пламя.

Алуша уселась на лавку, подтянув к подбородку колени:

– Не прогоняй меня, ладно?

– Сиди, что ж…
Хельги отвернулся, чувствуя, как девушка улеглась рядом.
– Погладь меня, – тихо попросила она.
Ярл провел ладонью по ее стриженным в кружок волосам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.